

Буковки

Сцена условно (по интерьеру, убранству) разделена на две части: одна представляет собой квартиру Ильи, вторая – Маши. Сзади экран. На экране время от времени будут появляться смайлики.

Ближе к центру сцены два компьютера. У Ильи – это ноутбук, небрежно брошенный на диван. У Маши – стационарный компьютер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Маша рыжеватая, коротко стриженная, ничем не примечательная женщина в джинсах и майке. Сидит за компьютером, стучит клавишами.

Маша *(На мгновение задумывается. Произносит в пространство).* ... репрессивность советской гинекологии представляет срез структурных отношений власти – подчинения. Ритуальный характер истязаний женщины позволяет предположить, что... Ну что, что он позволяет-то? Ускакало... Ну и шут с ним. Тоже мне открытие! А если так... Протестный потенциал советской женщины подавлялся с помощью страданий, осуществляемых гинекологическими практиками... К черту, к чертовой бабушке... *(Резко стучит по клавишам).* А тут у нас что? Ой-ой-ой, тут у нас... изоляционный потенциал электрических кабелей... Стоп. Почему потенциал? Это у женщин потенциал, а в кабелях пропитка... кажется... *(Печатает).*

Свет в ее комнате притушивается. Освещается комната Ильи. Входит Илья. Он худ, черно-сед, в замшевом пиджаке с кожаными нашлепками на рукавах, в вельветовых джинсах, в очках. Вид европейского профессора, которым Илья и является. Он небрежен и нетрезв. Ложится на диван, включает компьютер. Лениво стучит, к чему-то присматривается, хмурится. Вынимает папку с бумагами, просматривает листки.

Илья. Эхехе... *(Читает).* Интерес современного студенчества к классической литературе неуклонно возрастает благодаря сериалам. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения... Ну-ну. А это что еще? А это бред... бред, бессмысленный и беспощадный... Репрессивная гинекология? Свершилось... Вот и наши причастились общему маразму. Теперь и мы в струе. Какое счастье! *(Читает).* "Власть руками советских мужчин репрессировала советскую женщину..." *(Хватается за голову).*

Руками... надо же. Мама дорогая... Вот же умник... объявился на просторах моей необъятной родины... моей необъятной былой родины... Некто товарищ Иванова...
(Швыряет листы на пол).

Входит Марта. Ей 20-22 лет. Она сурова, крепко сбита, в руках тряпка. Начинает убирать комнату. Бесцеремонно двигает диван, на котором лежит Илья.

Не роняй меня, Марта. О мудрая, железобетонная, квадратно-гнездовая Марта... Марта, а Марта... Вот, скажи-ка мне, репрессировала ли тебя властная сила мужчин?

Марта *(сурово)*. Быль такой дело, господин профессор. Быль дело.

Илья вопросительно смотрит на нее. Марта, подняв зад кверху, скребет пол под диваном.

Илья. Загадочная ты, Марта. А... а чем она тебя репрессировала? Руками или...

Марта *(возмущенно)*. Господин профессор!

Илья. Ну что ты, Марта, я же ничего такого... мне для работы, Марта.

Марта подбирает листы с пола, запихивает их в корзину, выволакивает из-под дивана бутылку. Демонстративно проносит все это через сцену, исчезает. Звон бьющегося стекла.

Суровая ты, Марта. Брутальная. *(Набирает телефонный номер)*. Йос, да-да, я. А как же? Тржусь, аки пчелка. Что? Ну, неделька так и так нужна. Обработать весь этот бред. Два дня? У тебя крыша поехала... Да-да, идиома. В смысле, ты с ума сошел, спятил, чокнулся, рехнулся и трёхнулся. Когда это я тебе обещал? А-а-а, ну да. Запомнил... Бывает. У всех бывает. У тебя не бывает? Так ты ж немчура, Йос. Это особ статья. Я вот, собственно, о чем. Тут вот по одному текстику... да, вопросы *(Смотрит на пол, там пусто. Роемся в бумагах)*. Там какой-то бездарный ужас с карательной советской гинекологией... Марта! Марта!

Появляется Марта, молча смотрит на него.

Ну и куда ты уволокла материал?

Марта. Какой, господин профессор?

Илья. Тут, на полу.

Марта (*невозмутимо*). В измельчитель дер мусор. Мы же договорили, господин профессор: то, что на пол улеглось, есть дер мусор.

Илья прodelывает пантомиму, долженствующую изображать идиотизм Марты.

Илья (*в трубку*). Ладно, Йос, неважно. Я вот что хотел сказать: про этот текст я писать не буду. Я пал, конечно, но не настолько же, чтоб об этом... Обязаны? Почему? Ты серьезно, что ли?... Мы ей давали грант? Мы же зареклись по гендеру давать... Это же позавчерашний день. Ох. Нет слов, одни буквы... Что? (*Закрипает*). Да-да, и это тоже идиома. Да, да, бери ее на фиг в словарь! Какие буквы? Те самые, что ты уже выучил. Да, обценная лексика... Ладно, Йос. Но ни одного доброго слова об этой феминизятине от меня вы не дождетесь, так и знай. (*Сует мобильник в карман*). Марта! Марта!

Марта. Что, господин профессор?

Илья. Слушай, Марта, ммм, может, тебе у кого другого поработать?

Марта (*безмятежно*). Мне и здесь есть гут.

Илья. Ты выбросила важный текст. Где ж я его возьму-то теперь? Не говорить же Йосу, что моя домработница...

Марта. Я есть экономка.

Илья. Ладно-ладно, пусть экономка... попутно моя самая бездарная студентка... моя преследовательница и тэдэ, и тэпэ, выбросила важный текст. А до этого ты выбросила другой текст. Ты вообще имеешь идиотскую привычку выбрасывать самое важное.

Марта. Например, дер шнапс.

Илья (*взвивается*). И шнапс тоже!

Марта. Дер джин. Дас виски. Ди водка.

Илья. Это моя собственность. И мое глубоко личное дело.

Марта. Вы делает своя работа. И я делает своя работа, господин профессор.

Илья. Какого хрена?...

Марта. Не ругайтесь, господин профессор. Ди брань засорять мироздание.

Илья. Мать твою!

Марта. Вы зинд дитя, господин профессор.

Илья. Я на тридцать лет старше тебя. Ну, может, чуть меньше.

Марта (*важно*). Вы, русские, до смерти дети. Мы от рождения старики.

Илья. Ой, вот только не надо... Эта уж мне ваша пошлая немецкая болтовня! Кровь и почва...

Марта. Вы сам это говорили.

Илья. Когда это?

Марта. На лекция. Во вторник.

Илья. Не ври.

Марта. Я не ври, я конспектировала...

Илья. Ммм... Не помню.

Марта. Вы и не мог помнить. Вы быль не в тот гештальт, чтобы помнить.

Илья. На что это ты намекаешь?

Марта. Я не намекаль. Мы есть народ прямодушный. Об этом вы рассказываль в запрошлый вторник.

Илья (*жалобно*). Марта, а Марта... сгинь, а?

Марта идет к выходу.

Нет, постой. Я должен... гмм... обсудить с тобой проблему...

Марта. Экзистенциальнише?

Илья (*здесь и далее нетрезвым резонерским голосом*). В некотором роде.

Марта достает из фартука блокнот и карандаш.

Почему ты меня угнетаешь, Марта?

Марта вздыхает, прячет блокнот и карандаш обратно в карман.

Пошто препятствуешь моим досугам, Марта... Моим невинным досугам... Моим тихим маленьким радостям. Я же не буйный... я во хмелю добр, добёр, нет, все же добр, а то какой-то бобер получился... Вот так и уходит язык... бист, ист... Я же никому не мешаю, Марта, починаю примус.

Марта. Примус это ист Достоевски, господин профессор?

Илья (*хватаясь за голову*). До чего ж ты темная, Марта... До чего ж тупенькая...

Марта. Я не слышать.

Величественно затыкает уши, выходит.

Илья. Где же взять этот проклятый... этот дикий... этот идиотский...

Марта (*просовывает голову в дверь*). Инфомацъон.

Илья. Говори по-русски, Марта. Ты забыла, зачем ко мне работать пошла? За языком, Марта, за русским языком! Три года, три года, а воз и ныне там...

Марта. Ифомацъон про ауторен (*исчезает*).

Илья. Марта! (*Кричит*). Забираю свои слова обратно! Ты не тупенькая, Марта! Ты – титан мысли!... Прячется. Обиделась. Ну и лад с ней. А где у нас инфа об авторах...

Бросается к бумагам, ворошит, вытаскивает лист.

Так-так, вот и она, Иванова... ну да, ясно, что не Ханна Арендт... Иванова Мария... Мария – это звучит гордо. Особенно если Иванова... Феминистка Мария Иванова... ну ладно. Пусть пока живет. Главное, есть ли здесь ее мэйл? Или скайп. Вот. Есть. Ура.

Ложится на диван, начинает стучать по клавишам. Освещение в его комнате тускнеет, гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Загорается свет в комнате Маши. В комнате Маша и Митя. Мите 22 года. Лицо маскообразное, застывшее. Митя говорит быстро с одним и тем же выражением, эмоции заключаются только в перемене тона.

Митя (*монотонно*): Ммамамамама...

Маша, не обращая внимания, стучит по клавишам.

Почему молчишь, мама? Мама, почему молчишь? Почему, мама, почему ты молчишь, мама? (*Повышая голос, крича*) ммамамамамамама...

Маша. Сына, мы же договорились, правда? Ты же хотел магнитофончик послушать. А потом у тебя "Телебарометр". А после купание. Ты вымой пока ванну. Я тебе там персоля отсыпала, сколько нужно. А в банку не лезь.

Митя. Почему, почему, почему? Почему в банку не лезь? Почему в банку не лезь?

Маша (*терпеливо*). Потому что в прошлый раз ты бухнул в ванну всю банку. Я неделю отмывала. А вода все пенилась и пенилась... Хочешь, чтобы пенилась?

Митя (*затыкая уши*). Не хочу, не хочу, не хочу!

Маша стучит по клавишам.

Мамамамама... ммамамамама... А когда придет папа?

Маша. Ты же знаешь, в субботу.

Митя. В субботу это 15-го в субботу, или 22-го в субботу, или 29-го...

Маша. Митя, какого числа придет папа?

Митя. Двадцать второго?

Маша. Да.

Митя. 22 этого месяца в четырнадцать ноль ноль. Да? Не октября. Не ноября, да, не декабря...

Маша. Этого месяца, Митюша.

Митя. Папа приедет на машине, да? На синей машине. Там будет выключен проигрыватель. Будет? Будет?

Маша. Конечно. Он же знает, что ты не любишь проигрыватель.

Митя. А какой марки машина? Машина какой марки?

Маша. Митя, какой марки машина?

Митя. Ситроен "пикассо", 2009 года, да, мама?

Маша. Да, сына.

Митя выходит, за сценой начинает шумно литься вода. Маша стучит по клавишам. Свист – сигнал, что пришло сообщение.

Маша (*читает*). Уважаемая госпожа Иванова...

Освещается авансцена. На ней стоит Илья. Выглядит уже не встрепанно, а вполне презентабельно. На нем галстук, белая рубашка, новый пиджак. Никакого следа нетрезвости в его поведении и речи нет. (Вообще на авансцене герои будут не такие, как в действительности, идеализированные). Говорит:

Илья. Уважаемая госпожа Иванова, наш журнал признателен Вам за высланную статью. К сожалению, вследствие не зависящих от редакции обстоятельств текст был утерян. Не могли бы Вы выслать его вариант через скайп? Буду благодарен за срочность. С наилучшими пожеланиями, заместитель главного редактора журнала "Der Slawische Mentalität", доктор философии, профессор Илья Минский.

Свет на авансцене гаснет.

Маша (*дочитывая*). Минский? Илья?

Шум воды затихает, гремит Вивальди.

Митя, Митя! Что ты делаешь? Тише, Митя!

Убегает за сцену.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Освещена комната Маши. На журнальном столике чашки с чаем, печенье. Вино, одна рюмка. На тахте Маша и Вика, соседка и подруга Маши. Обе в халатах, сидят "с ногами", накрывшись одним пледом. Вика – кокетливо-грубоватая женщина, чуть старше Маши, ей уже ближе к 50-ти, чем к 40. На Вике куча бижутерии.

Вика. А ты что?

Маша. Да ничего, послала текст. Как он просил.

Выходит на авансцену. Выпрямившись. Выглядит статной и уверенной. Говорит:

Уважаемый господин Минский, высылаю Вам текст. С благодарностью за внимание к моей статье, Мария Иванова. Зы. Скажите, не учились ли вы часом в девятнадцатой школе? Году в семьдесят седьмом?

На экране сзади появляется смайлик ☺ (Впредь, если говорится о смайлике без конкретных деталей, то возникает именно этот). Маша возвращается на тахту.

Вика. Ну и дура. Я б написала.

Маша. Что?

Вика. Ну... ит депендс. Разное можно. Например, не учились ли вы, дескать, в девятнадцатой школе? Году в семьдесят седьмом?

Маша. Зачем?

Вика. Интересно же. Тот, не тот?

Маша. Тот.

Вика. Откуда ты знаешь?

Маша. Не знаю. Знаю откуда-то.

Вика. Ну.

Маша. Что "ну"? Как подумаю, что он эту абракадабру мою читал – мурашки по коже... Каждая размером со слона. Ты же помнишь, как я эту статью ляпала... Помнишь, что тогда было, просто вал: освежители, "Линор", потом это еще...

Вика. Сок с мякотью...

Маша. И еще пассатижи... Нет, не пассатижи... декодеры, рекодеры... не помню. Кабели. И Митька болел. Вообрази, что я там понаписывала. В творческих судорогах.

Вика (*сочувственно*). Да уж. Слушай, а давай ты дерябнешь? По такому делу-то?

Маша. Не могу. Ты же знаешь... Она что-то совсем расхотелась...

Вика. Язва?

Маша. Язва. Ой! Митька идет! Прячь бутылку! И рюмку прячь! А то сейчас возьмется лекцию читать... о вредных привычках... И увидим мы небо в алмазах.

Вика судорожно выпивает вино из рюмки, прячет бутылку и рюмку под плед. Появляется Митя, на нем пижама.

Митя. Мама, мне зубы чистить?

Маша. Чисти, Митюша.

Митя. А умываться надо?

Маша. Надо.

Митя. А потом я лягу спать, да? Потому что уже поздно?

Маша. Да.

Митя. Почему вы не ложитесь? Уже поздно, мама! Тетя Вика, вам пора домой. Вам завтра рано вставать, да?

Вика. Ох, рано... встает охрана. Помнишь песенку, Маш? Мультик. Винни-Пух.

Маша. Бременские...

Вика. А вот и не бременские... вот и Винни-Пух.

Маша. Бременские. Я четырнадцать раз смотрела. В кино "Пионер".

Вика (*с уважением*). Сильна ты, мать. Я только восемь, кажется.

Митя (*требовательно*). Почему вы не идете домой, тетя Вика? У вас завтра работа.

Вика. И не говори, Митька. Работа... ой, блин...

Митя. Блин – это неприличное слово. Правда, мама? Оно приличное только, когда люди беседуют о блинах, да, ма? А какие бывают блины? Мамамама...

Маша. Мить, ложись, а...

Митя. Дрожжевые, да, мам? И бездрожжевые? А еще какие? Еще бывают блинчики. С творогом. С вареньем, со сметаной... Ты сделаешь мне блинчики, мама?

Маша. Сделаю.

Митя. Завтра сделаешь?

Маша. Сделаю, если ты сию секунду ляжешь.

Митя (*торгуется*). Утром сделаешь. Без изюма! Я не люблю изюм. У меня губа не дура, да, ма? Ты сама говорила, что у меня губа не дура. Потому что я не дурак. Изюм – это для дураков, да? Тетя Вика, вы любите изюм?

Маша. Дмитрий! Марш в постель!

Митя уходит, Вика достает рюмку и бутылку из-под пледа.

Голос Мити. С капустой. С картошкой. С грибами. На молоке. На кефире. На воде...

Маша. Вымогатель...

Вика. Слушай, а ты его не слишком балуешь? Блинчики, то-се... вопросы все эти... и главное, он же прекрасно знает ответ. Он же только такое и спрашивает, что сам знает. А ты раз за разом, раз за разом одно и то же... Это же шарики за ролики заходят.

Маша. Ему нужно подтверждение.

Вика. Чего?

Маша. Не знаю. Может быть, что мир существует. Что он не развалится в клочки. Что так все и будет – безопасно. С мамой. С "Телебарометром". С блинчиками.

Вика. Ну, мэйби... тебе виднее, конечно. Но вот если на мой характер... я бы с ним ни дня не смогла бы.

Маша. Смогла бы – куда б делась. А одной, что ли, лучше?

Вика. Не-а. Одной по-любому не лучше. Сердце-то требует. Но Митька твой, он, блин, и ангела из себя выведет... А я не ангел. Я знаешь что думаю? Может, мое сердце вот это самое, оно недоделанное какое-то? Недоношенное. Тупое, на жертвы неспособное. Только мужиков любить умеет. Кого попроще. Нет, хорошо, что детей не завелось...

Маша. Не выдумывай. Нормальное у тебя сердце.

Вика. Намекаешь, что с мозгами напряженка?

Маша. Ни на что я не намекаю.

Вика. Что, в смысле, я как бы стрекоза, да? А ты, как бы, муравей?

Маша. Я бы хотела стрекозой... Стрекозой лучше. Хоть есть что вспомнить.

Вика. Так-то оно так... Но у муравьев оно как-то удачней складывается. Крепче. Семья там, дети, работа... нормальная, а не как у меня...

Маша. Ага. И я – живой пример того, как оно удачно складывается...

Вика (*пьет, хмельным голосом*). Между прочим, классику виднее. Крылов – он классик. Баснеписец.

Маша. Угу. Тогда Крыльев.

Вика (*подозрительно*). С чего это он – Крыльев?

Маша. С того, что "баснеписец".

Хохочут.

Вика. Слушай, он, он... БаснеписЕц! Ну просто пи...

Свист скайпа. На авансцене Илья.

Илья. Спасибо за текст. Часом учился. Одну четверть, кажется. Вы тоже?

На экране возникает смайлик.

Вика. Он?

Маша (*Вике*). Нет. Викуш, извини, тут материал надо... требуют.

Вика. Ха-ха. Давай тогда. Не урони девичью честь токо...

Уходит. Маша выходит на авансцену. Маша и Илья стоят на авансцене, каждый со своей стороны, говорят. Иногда их фразы должны пересекаться, иногда запаздывать, как происходит с записями в скайпе. На экране время от времени возникают смайлики.

Маша. Да (*на экране возникает кивающий смайлик*).

Одновременно:

Илья. Надо же. Шарик, он маленький...

Маша. Земля тесная...

На экране вспыхивают два смайлика "рукопожатие". Потом два смеющихся смайлика.

Послушайте, Илья...

Илья. Что?

Маша. Это насчет моего текста...

Илья (*напрягается, подбирается*). Да?

Маша. А можно его не печатать?

Илья. Что?

На экране вспыхивает смайлик, долженствующий выразить недоумение :^) или смайлик-"очкарик".

Маша. Вы не могли бы его не печатать?

Илья. Гм. Слушай, мы раньше были "на ты". Перейдем обратно?

Маша. Мы никак не были.

Илья. То есть?

Маша. А мы ни разу не разговаривали. Так можно не печатать?

Илья. Почему?

Маша. Потому что это бред собачий...

Илья. Ну не собачий... А зачем писала? И почему это мы не разговаривали?

Маша. Грант отработывала. Мы же, ученые, – все дети капитана Гранта. Сдала – и ладно. Кто ж знал, что вы эту чушь печатать возьметесь...

Илья (*растерянно*). Ну вот и отработала... Все нормально. Ты бы посмотрела, что мы публикуем. Не боги горшки... А почему – не разговаривали?

Маша. Это не горшки. Это гораздо, гораздо хуже...

На экране вспыхивает унылый смайлик ☹.

Ты давно уехал?

Илья. Да лет двадцать уже.

Маша. А почему именно в Германию?

Илья. Пригласили. В университет. Такой, заштатный, в принципе. Но университет все же... Ты разговор не перевод. Из-за чего это мы тогда не разговаривали?

Маша. Да просто. Не привелось. Знаешь, как бывает. Разный круг. Мой и тот...

Илья. Что-то никакого круга я не припомню.

Маша. ... где ты вращался...

Илья. Я? Я вращался? Вот так?

На экране – хохочущий, катающийся от смеха смайлик.

Маша. Ну, не вращался. Общался.

Илья. Да ни с кем я особо не общался.

Маша. Общался-общался. Игорь, Светка, Неля... Антон. Это же всё сливки общества. Умники и красавицы. Английский, французский, мушкола, джины, шузы, винил по тридцать рублей. Пальцы и манеры.

Илья. Я не помню.

Маша. Хорошая у тебя память. Удобная.

Илья. А ты, значит, не была в этих... сливках?

Маша. Не-а.

Илья. Не брали? Или сама не хотела?

Маша. Сперва не брали. А после уж и не хотела.

Илья. Почему?

На экране возникает смайлик.

Маша. Не брали-то понятно почему. Потому что я довольно-таки серенькая...

Илья. Что за глупости...

Возмущенный смайлик ("злой").

Маша. ... а они были... ого-го... золотая молодежь.

Илья. Почему ж я их не помню, если они уж такие золотые были, такие ого-го?

Маша. Потому что ты был там самый золотой. Самый ого-го.

Илья. Я???

Маша. Ну, не я же.

На экране – кивающий смайлик.

Илья. Ерунда какая-то. Ладно. А почему не хотела?

Маша. Да так. Я умею не хотеть невозможного... И потом...

Илья. Что?

Маша. Они пустынькие были. Я серенькая, а они зато пустынькие. Ой, сморозила. Прости, ок? Я не о тебе. Ты вообще другой был.

Илья. Без пальцев и манер?

Маша. Тебе на все было плевать. Они лишь делали вид, что все пофиг. А тебе и впрямь было пофиг.

Илья. Мне? Пофиг?

Маша. Им все подражали. А они – тебе...

Илья. У меня стойкое чувство, что ты меня с кем-то путаешь.

Маша. Тебя спутаешь... Ты мне один раз на ногу наступил. На физре. И сказал: "Ну, извини". И руки так развел, сожалею, мол. Очень искренне вышло. Но, знаешь, как-то... плутовато. Симпатично.

Илья. Не знаю. Я не замечал. Честно.

Маша. А больше ты мне никогда ничего не говорил.

Илья. Не выдумывай. Ты просто забыла.

Маша. Я бы не забыла.

Раздается крик: "Мамамама". Маша делает рывок – бежать за сцену.

Тут сын... пришел. Я должна... с ним поговорить. Пока.

На экране появляется смайлик "Пока" (с машущей ладошкой). Маша убегает.

Илья. Чудны дела твои, Господи...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Илья у себя в комнате, сосредоточенно стучит по клавиатуре. Входит Марта с подносом: на нем чашка, кофейник, бутерброды.

Марта. Господин профессор, поЕдайте.

Илья. Таким образом, Марта, причина репрессивности советской гинекологии заключается не в эксплуатации женщины со стороны мужчин, а исходит из общего подхода к больному как к отработанному материалу. Кроме того, сказывается властный потенциал отношений "врач – больной"... Ну-с, каково-с?

Марта. Ди тема, господин профессор, не есть ваша тема.

Илья. Это не мое. Я так, немножко правлю.

Марта. Не правите, а переписуете. Дриттен таг.

Илья. Марта, по-русски.

Марта. Третий день.

Илья. Что тебе не нравится?

Марта. Человек должен делать своя работа. Чужая работа должен делать чужой человек.

Илья (*задумчиво*). Знаешь, Марта, банальная безграмотность подчас открывает такие глубины... Чужую работу должен делать чужой человек. Здесь дилемма философского толка. Видишь ли, в моей почившей стране думали, что чужой работы не бывает. Потому раз в год я со всей своей лабораторией ездил копать картошку, раз в квартал – перебирать ее на овощебазе...

Марта. Дас эс овощебаза? И почему вы копаль картошку? Это должен делать крестьян.

Илья. Я приникал к истокам. К живительным истокам народного труда. Кровь, Марта, кровь и почва...

Марта. Я понимают. Вы там пиль!

Илья (*трепетно*). Эх, и пиль! Где я только не пиль, Марта!

Марта. Это не есть хорошо.

Илья. В общем-то да... Хотя в сущности нет... Там было много своих прелестей: самогон, танцы, сеновал, ну и катание в прохладных росах, Марта...

Марта. На ком вы каталься?

Илья. Всех не упомнишь... Ну ладно-ладно. Не буду смущать твой незрелый ум пагубной памятью человека умершей эпохи.

Марта. Не надо смущать, господин профессор. Надо есть ваш ужин.

Илья. Марта, а Марта...

Марта. Нет. Еще не есть время для дер шнапс.

Илья (*с фальшивым миролюбием*). Что ж... На нет и суда нет.

Марта достает из кармана блокнот и карандаш, записывает.

Марта (*читает*). На нет и сюда нет...

Илья. Суда, Марта, суда! А то какая-то, прости Господи, похабень получается.

Марта. Дас эс "похабень"?

Илья. Марта, отстань, а? Шла бы ты слова поучила, что ли...

Марта уходит с обиженным видом. Илья достает из-за диванной подушки бутылку, делает глоток, прячет бутылку обратно. Стучит по клавишам. Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В полутьме раздается свист скайпа. Зажигается свет в комнате Маши. Маша входит в квартиру вместе с Митей, они одеты. Лицо у нее усталое. Маша раздевает Митю, как ребенка, потом раздевается сама. Двигается медленно, вяло. Митя, напротив, взвинчен, подпрыгивает на месте, машет руками перед лицом. Весь следующий диалог произносится быстро, механически, привычно.

Митя. Мама, а зачем мы туда ходили? Зачем мы ходили в то место, мама?

Маша. По делам.

Митя. А по каким делам? Что за дела? Не злись, мама. Не злись.

Маша. Я не злюсь, сына.

Митя. Ты просто... что? Ты просто устала, да, мама?

Маша. Да. **Вставить убранное**

Митя. Я буду рисовать карандашиками, да, мама?

Маша. Да, сынок.

Митя. А что надо сделать после улицы, мама?

Маша. Вымыть руки, Митя.

Митя. Чтобы не проскочил микроб, да? Я пойду мыть руки, чтоб не проскочил микроб, мама.

Митя исчезает, льется вода. Маша выходит на авансцену. Илья уже там. Они стоят чуть ближе друг к другу, чем в прошлый раз. На экране возникают два смайлика.

Илья. Слушай.

Маша. Что?

Илья. У нас, понимаешь, есть... гмм... определенные правила. В журнале, я имею в виду.

Маша (равнодушно). Да? И что за правила?

Илья. Ну, всякие... И твой текст...

Маша. Не пошел? И хорошо. Я же говорила, что это барахло бараклом.

Илья. Что ты! Очень хороший текст! И главное – в тему! Гендер – это же... ммм...
А репрессивная гинекология – вообще пальчики оближешь!

Маша (вяло). Смеешься?

Илья. Почему?

Маша. Гендер – дурь. Репрессивная гинекология – чушь. Я – бездарь.

Илья. Нет. Нет, что ты! Ты очень талантливая!

На экране вспыхивают возмущенные смайлики.

Просто надо слегка... ну... подшлифовать... подровнять под наши требования.

Маша. Выкинь в мусор, плз. Ничего ровнять я не буду.

Илья. И не надо! Не надо! Я уже все сделал. Там и нужно было совсем чуть-чуть – подровнять, подшлифовать...

Маша садится на авансцене. Вид у нее измученный.

Только там один абзац... ммм... не по делу...

Маша (*устало*). Какой?

Илья. Хмм... неожиданный поворот мысли... какие-то кабели... пропитка...

Маша. Вычеркивай. Это не оттуда. Из другой работки.

Илья. Про кабели? Шутишь?

На экране возникает хохочущий смайлик.

Маша (*голос напрягается, делается жестким*). Про кабели. Про стиральные порошки. Про краску "Капарол". Про окна ПВХ. Про черта лысого, если закажут. Мне жить надо! Выживать! Сына кормить. Да где тебе... в твоих эмпиреях-заграницах?

Илья. Слушай, не пыли, а?... ну сын ведь... он взрослый уже мужик. ИМХО. Это он тебя должен кормить.

Маша. Ладно. Пока.

Илья. Маш. Я что-то не то сказал, да?

Маша. Все то. В твоём амплуа...

Илья (*изумленно*). В каком... амплуа?

Маша уходит с авансцены.

Илья (*растерянно*). В каком амплуа? Маш, ты здесь? Ну что, что я сказал такое?

Шум льющейся воды усиливается. Маша выходит за сцену, вскоре оттуда доносится ее крик. Шум прекращается. Входит Маша, втаскивает Митю (Следующая сцена должна идти с нарастанием, быстро, сумбурно).

Маша. Ты что наделал? Зачем кран крутил? Еще минута – соседей бы залил к чертям собачьим! Ты помнишь, что летом было? Где ж я на второй ремонт денег наберу?

Митя (*на высокой ноте, монотонно, подпрыгивая на месте*). Мама, почему ты злишься? Почему? Мама, почему?

Маша. Ты что идиот? С ума сошел?

Митя (*мечется, машет руками, подпрыгивает*). Мама, я не сошел, нет, я не сошел с ума. Мама я не сошел с ума, да, мама?

Маша (*кричит*). Прекрати, прекрати!

Митя. Мама, я ведь не сошел, ма...

Маша хватается за голову, выпрямляется, сильно бьет его по щеке.

Митя (*кричит высоко-высоко, лицо по-прежнему неподвижное*). Мамамамамама...

Маша убегает, хлопает дверью.

Митя. Мама! Ты ушла? Куда ты ушла, мама? Мама, ты не совсем ушла? А-а-а-а!

Прыгает, машет руками, подходит к стене, начинает мерно, через равные промежутки времени стучаться о нее головой. Вбегает Маша. Бросается к Мите, пытается его обнять, Митя отшатывается, садится на корточки в угол, закрывается руками. Маша садится рядом, тоже на корточки, тоже закрывает лицо руками.

Митя (*всхлипывает, подвывает*). А-а-а-а...

Маша (*несмело*). Митюша, можно я тебя обниму?

Митя. А-а-а-а...

Маша. Я несильно. Я тебя просто потрогаю... За плечо, ладно?

Митя. Нененене...

Маша. Ну хорошо... ну ладно... не буду трогать.

Митя. Не надо меня трогать. Не трогай меня, не трогай, не трогай!

Маша. Я не буду, правда, не буду. Хочешь булочку?

Митя. Не хочу булочку. Ты меня била, мама? Да, мама? Ты меня била?

Маша. Я не била, я просто...

Митя. Ты просто... что? Ты просто злилась? Ты на меня злилась, мама?

Маша. Нет, Митюша, не на тебя.

Митя. Почему? Почему не на меня?

Маша. Потому что ты – мое счастье.

Митя. А почему я твоё счастье?

Маша. Потому что я тебя люблю.

Митя. А я тебя люблю, мама?

Маша (*улыбаясь через силу*). Конечно, любишь.

Митя. А почему я тебя люблю?

Маша. Почему, сына?

Митя. Потому что ты кто? Потому что ты – моя мама, да?

Маша. Да, сына. (*Пауза*). Митюша, а когда у меня будет день рождения?

Митя (*постепенно успокаиваясь*). Пятнадцатого сентября. Это нескоро, да?

Маша. Да. А какой это будет день недели?

Митя (*деловым, почти нормальным тоном*). Сейчас подумаю. Четверг, да?

Маша. Наверно.

Митя. А у папы когда? Когда у папы?

Маша. Когда?

Митя. Двадцать первого июня. Это вторник, да, мама? А у бабушки, которая умерла, шестнадцатого апреля... Это суббота. А у бабушки, которая не умерла... Ты не злилась, мама. Ты не злилась. Ты просто устала, да, мам?

Маша. Да... просто устала.

Митя. Потому что мы ходили по делам?

Маша. Да.

Митя. Это были неплохие дела. Просто усталые.

Маша. Да, малыш.

Маша несмело касается его плеча. Митя не отстраняется, Маша осторожно его приобнимает.

Митя. А в две тысячи двадцатом году мой день рождения будет в субботу... А в две тысячи тридцатом...

Маша обнимает Митю, кладет голову на его плечо, гладит его по руке.

А в две тысячи сороковом...

Свет в комнате постепенно гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Спустя несколько дней. Комната Ильи. Илья сидит, нервно зэпает телевизионным пультом, направляя его на зрителей. Из разных мест зрительного зала доносятся обрывки немецкой, английской, русской речи, кусочки разных передач. Наконец останавливается на каком-то российском боевике. Вся следующая сцена идет под звуковой фон боевика: крики, стоны, ругань. Когда герои пьесы говорят, фон становится тихим, когда молчат – чуть громче. Раздается свист скайпа. Илья накидывает пиджак, приосанивается, идет на авансцену, взглядывается в темноту. Потом разочарованно возвращается, скидывает пиджак и снова смотрит в воображаемый телевизор. Звонок.

Илья. Да. А где ты? А-а-а, ну давай! Жду. Да-да, жду.

Оживляется. Прибирает беспорядочно разбросанные вещи, уносит.

Марта! Марта! Да куда же ты задевалась, Марта?

Марта (*входит, вталкивая накрытый кофейный столик*). Я есть, господин профессор.

Илья. Так, что тут у нас? А где... Где струдель? Ты же знаешь, она любит струдель...

Марта. Она давно не хочет струдель. Она хранит фигур.

Илья. Мне лучше знать, что она хочет, а чего нет. Хранит она, видите ли... Тащи струдель.

Марта со вздохом удаляется. Илья беспокойно переставляет чашки, потом надевает пиджак, резко, рывком завязывает галстук, ходит по комнате. Видно, что он взволнован. В комнату входит Лиза. Ей 20-22 года, она в строгом костюме. Илья бросается к ней, обнимает, Лиза терпит, как будто подвергается какой-то не очень приятной, но необходимой процедуре.

Лиза. Привет, па.

Илья. Привет, дочундра.

Лиза. Ффу!

Илья. Я что-то не так сказал?

Лиза. Все нормально, папа. Как поживаешь?

Илья. Лучше всех. Кофе, чаю?

Лиза. Спасибо, я сыта.

Илья. А струдель? Марта! Марта, где струдель?

Лиза. Не надо, папа.

Илья. Чего? Струделя? Марты?

Лиза. Струделя. А Марты – тем более.

Входит Марта, вносит блюдо со струделем. Презрительно рассматривает Лизу, Лиза так же презрительно – Марту. Марта ставит блюдо на столик, отходит, стоит в сторонке, засунув руки в карманы фартука.

Ты свободна. Зи зинд фрай.

Илья (*ему неловко*). Лизок, ну зачем же... Марта... Марта, спасибо... если хочешь – можешь идти.

Марта вздергивает голову, выходит.

Ну, как ты? Ты ешь, ешь, дочка.

Лиза. Спасибо, я сыта.

Илья. Ну да... ну да, понятно... (*Неловко, с фальшивым энтузиазмом*). Что ж, тогда будем разговаривать. Итак (*шутливо потирает руки*), что у тебя нового?

Лиза. А что тебя интересует?

Илья. Ну, не знаю. Все интересует. Может быть, в... ммм... твоей жизни случилось... ммм... что-нибудь. Изменилось...

Раздается свист скайпа.

Я сейчас.

Быстро выходит на авансцену, взглядывается в пустоту, возвращается.

Это... так. Я тут жду... по журналу... информации. У нас выпуск, знаешь.

Лиза. Ничего не изменилось. Учусь, работаю, участвую в трех проектах...

Илья (*мортицится*). Да-да. Спасение бельков, кажется...

Лиза. Тебя не устраивает?

Илья. Да нет, Лиза. Все меня устраивает. Даже бельки. Как в наше время не думать о бельках? В наше время не думать о бельках неполиткорректно...

Лиза. Я пойду, папа.

Илья. Нет-нет! Бельков жалко, правда. Они милые, бельки. Такие... белые.

Лиза. Папа. Запомни раз и навсегда. Я перед тобой за свои действия не отчитываюсь. Просто ставлю тебя в известность. По твоему желанию, между прочим.

Илья. Мгм... Ну... И что там с бельками?

Лиза. Мы с этим работаем.

Илья. А еще с чем... мы работаем?

Лиза (*иронически, копируя его интонацию*). Еще мы работаем с женщинами.

Илья. Тоже от отстрела спасаете?

Лиза. Ладно, папа. Пока.

Встает, Илья хватается ее за руку, смотрит на нее умоляюще.

Илья. Нет-нет! Это я так... пошутил неловко. Так что там с женщинами?

Лиза. Проект называется "Женщины против насилия"...

Илья (*с ужасом*). Лиза! А ты тут... как? Ты тут... при чем?

Лиза. Плоско мыслишь, папа. Насилие разное бывает. Не обязательно сексуальное.

Илья А-а-а... Ну тогда... Тогда почему бы и нет? Репрессивная гинекология... Как же-как же, помню-помню... Униженные и оскорбленные. Женщины, бельки... Третий проект, должно быть, тоже в этом роде?

Лиза. По-твоему, это смешно?

Илья. Да нет, не то, чтобы... Скорей, удивительно.

Лиза. И что тебя так удивляет?

Илья. Ты, Лиза. Я же вижу, как ты... ну, с ближними-то... Со мной... С Мартой... которую ты вообще за пустое место держишь...

Лиза. Я ее держу за тупую корову. Каковой она и является...

Илья. ... и дивлюсь: откуда такая жалость к дальним? К белькам, которых ты в жизни не видела? К мифическим женщинам с мифическим насилием?

Лиза (*неожиданно горячо*). Вот! Вот!

Илья. Что?

Лиза. Вот теперь ты, наконец-то, такой, какой есть!

Илья (*заводится*). И какой же, позволь полюбопытствовать?

Лиза. Пустой сексист. У которого всю жизнь один роман – роман с самим собой.

Илья (*задыхается*). Ну знаешь...

Лиза. Уж что-что, а это я знаю точно.

Илья хочет что-то сказать, но осекается.

Молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать! Не смей об этом! О ней – не смей! А то я никогда больше...

Пауза.

Илья. У тебя странное свойство, дочка. Ты помнишь только плохое.

Лиза. Это потому что хорошего пес наплакал...

Илья (*пусто, автоматически*). Не пес, а кот. Ты забываешь язык, Лиза.

Лиза. Знаешь что, папа? Шел бы ты со своим языком! Нет, это я пойду. Ауфидерзейн. (*Кричит*). Ауфидерзейн, тупая корова!

Уходит. Пауза. Илья сидит, опустив руки. Звуки боевика с воображаемого экрана становятся громче, потом опять тише.

Илья. Марта!

Входит Марта, смотрит в пол.

Марта, посмотри-ка на меня.

Марта смотрит в пол. Илья вздыхает.

Не обижайся, Марта. Она не со зла.

Марта. Йа. Она не со зла. Она со доброты.

Илья. Ты же знаешь, как тогда все было... А сейчас... сейчас она решила, ну, ты же девушка, Марта... ты живешь здесь, в этом доме... а я, ну понимаешь, вроде, мужчина... хотя, конечно, это все совершенная чушь...

Марта. Что есть дер чушь?

Илья. Ди чушь, Марта. Чушь женского рода. Как ди мышь, например.

Марта. Что есть ди чушь?

Илья. "Ди" не надо, Марта. Это я тебе для примера, чтоб ты поняла... женский род и все такое прочее.

Марта. Что есть чушь? Вот так я права?

Илья. Ты права, Марта. Ты всегда права. Чего не отнять – того не отнять.

Марта. Что есть чушь? Что я есть девушка? Что я живет в этот дом? Что вы есть мужчина, господин профессор?

Свист скайпа. Илья идет на авансцену, махнув рукой Марте: мол, свободна. Звуки боевика гаснут.

Марта садится на диван, смотрит вперед, пытаясь взглядеться в Илью, стоящего на авансцене. Лицо ее неподвижное, спокойное. Достает носовой платок, деловито вытирает глаза и сморкается. Прячет платок в карман, машинально заглядывает в ноутбук. Потом смотрит уже прицельно, проговаривая губами некоторые фразы.

На авансцене Маша и Илья. На экране возникает смайлик "краснею".

Маша. Прости.

Илья (фальшиво удивляясь). За что?

Маша. Ты знаешь.

Илья (облегченно вздыхая). Ничего не было, Маш. Правда. Ничего не было.

Марта. Не било... Машь...

Возникает смайлик, отрицательно качающий головой.

Маша. Просто тут... много дел... с сыном проблемы. Сам понимаешь...

Илья. Понимаю. У меня вот с дочкой. Тоже бывает.

Маша. Со здоровьем?

Илья. Нет.

Возникает еще один качающий головой смайлик.

Маша. Понятно. Тонкая вязь семейных отношений...

Возникает смайлик-улыбка.

Илья. Она, сердешная.

Маша. А с матерью у нее тоже сложности?

Илья. С какой матерью?

Маша. Ну, с твоей женой. Или вы в разводе?

Пауза.

Прости, я, наверно, не то спросила.

Илья. Все в порядке. Нет, мы не в разводе.

Маша. А чем она занимается?

Илья. Кто?

Маша. Твоя жена.

Илья. Она художник. Иллюстратор детских книг.

Марта. Художник... детских книг?!

Илья. И еще стихи пишет, детские...

Марта. Пишет? Стихи?

Маша. Я тоже писала. Детские. То есть не специально детские. Они просто были детские, потому что писала в детстве.

Илья. Пошли что-нибудь.

Маша. Да ты что, глупости это все (*Внезапно сгибается. Садится на корточки, скукоживается*). Ты извини. Тут ко мне пришли...

Возникает смайлик, машущий ладошкой.

Илья (*разочарованно*). Пришли...

Идет на сцену. По дороге останавливается, говорит сквозь зубы.

Экая насыщенная жизнь у некоторых: то сын, то пришли, то гендер, то кабели, то сын, то пришли, то кабели...

Возвращается на авансцену, говорит бодро.

Ничего. Мне тоже пора. Мы с женой в театр опаздываем.

Марта. С женой? В театр?

Срывается с дивана, делает вид, что убирает комнату. Возвращается Илья, садится на диван, зная пульт. Подходит Марта. Принесит поднос. На подносе рюмка коричневатой жидкости. Ставит на столик рядом с Ильей, уходит.

Маша *(на авансцене, так же скорчившись)*. А как ее зовут? Твою жену? Как ее зовут?

Свет на авансцене гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Продолжение предыдущей картины. Илья (один), выпивает содержимое рюмки, резко нажимает на пульт, откидывается на диване. Поднимает сиденье кресла, роется внутри, достает бутылку. Отпивает из бутылки. Потом вскакивает, ходит. Весь следующий монолог должен быть в движении.

Илья. Ну вот. Ты этого хотела? Этого, да? Нет, другого... ты другого хотела. Ты рисовать хотела. Ты хотела жить в Питере. Может быть... может быть, ты и живешь сейчас в Питере? Ты там – я здесь. Нормальное кино, да? Это я к тебе обращаюсь, Алена. Слышишь?

Мне кажется, я так ору, что ты должна слышать, где бы ни была. Хоть в Питере, хоть в Тимбукту, хоть в раю, хоть в преисподней.. Да, Алена. За то, что ты со мною сделала... за то, что ты со мною... тебе там самое место... Только вот беда: не существует ада. И рая тоже. Бесконечное чистилище...

А ведь рай был. Был. Раньше. Скудненький такой рай. Раёк. Сосны жемчужные. Небо жемчужное. Светает так бледненько. Помнишь? А они там, у костра, поют "Солнышко лесное", глупая песня. Ты мое солнышко, Алена. Была...

Помнишь, ты голову запрокинула... А я, я тогда совсем с ума сошел. И ты смотришь на меня и говоришь... Что ты сказала тогда, Алена? Я забыл, забыл. Но ничего, я придумаю. Слова – моя вотчина, моя единственная рать. Никому не нужная, Алена. Только тебе... тогда когда-то.

Допустим, ты сказала: "Хочешь, ты будешь у меня первым?" Нет, не могла ты сказать ничего такого, ты не говорила банальностей, а мне тогда нужна была банальность, позарез банальность, чтобы чувствовать себя просто на земле, просто в лесу, где недалеко костер, и поют "Солнышко лесное". Так было бы проще, Алена! И тогда, и теперь...

Нет, этого ты точно не говорила. Но что, что? Ну, допустим: "Будь со мною"... Это лучшая на свете банальность. Правильная. Я не помню, Алена! А ты... ты как раз все помнишь. Ты всегда помнишь лучше меня. Только вот молчишь.

Или ты сказала: "Делай со мной все, что захочешь".

Ну что ты молчишь, что? Чего ты хочешь? Чтобы все изменилось? Там, за спиной? Там, назад? Так я бы и сам... Нет туда лаза, Алена... И если начать все заново – мы опять уедем, и твоя книжка, помнишь, та, в Питере, в девяностом, как они ее хвалили, эту книжку, что они говорили – самородок, высокий наив... и книжка опять накроется медным тазом, потому что мы все же уедем, а как – не уехать, все, все уезжали с той забытой Богом отчизны... "И ладана запах, как запах приютского хлеба....", помнишь, да... ты ведь все помнишь Алена... и Лизка опять будет болеть, маленькая, компресс на горле, а у меня будут студенты, да, и студентки, чего мне сейчас-то врать, были студентки, и я опять буду шастать по презентациям... это же внове было, тупые эти презентации... и пиво с коллегами... И я снова стану писать свою чушь, ди чушь, свою никому на фиг не нужную высоколобую чухню... А ты будешь делать вид, что так и нужно, и бутербродики на салатных листьях, и свечка в стекле... Я ненавижу те свечки, Алена! Я вообще ненавижу эти пошлые свечки! Только ты не знала... Я терпел. Я так мало терпел для тебя, Алена. Разве что свечки... И твой вопрос: "Ну, как ты жил сегодня?"... и мое молчание, и каждый вечер вопрос, и каждый вечер молчание, как же, наговорился за день, надо же и отдохнуть, а ты никуда не денешься, Алена, ты же всегда была...

(Кричит). Делась! Делась!

Вбегает Марта, обнимает Илью, ведет его к дивану, укладывает, накрывает пледом, кладет под голову подушку, что-то шепчет, садится на пол у дивана, берет его за руку. Илья вырывается, садится на диване, говорит тихо и горько.

Мне бы только одно... Что ты тогда сказала, Алена?

Занавес.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Освещена комната Маши. В углу – елка. Рядом – коробки с игрушками. Маша говорит по телефону.

Маша (*раздраженно и безнадежно*). ... он же тебя любит. Как умеет... Ах, вот оно... Знаешь что? Это не он не умеет. Это другой кто-то не умеет... Для кого сын – скелет в шкафу. Грязь на биографии. Вот ведь жалость, да? Такая успешная была бы биография... Дом – полная чаша. Дочки – блондинки. Кстати, давно хотела спросить: а чего они вечно орут друг на дружку там, за кадром?... Да всегда орут, ты что, не замечал? Привык, наверно. К хорошему быстро привыкаешь... Ладно. Предположим, они орут от счастья. От большого человеческого... Что? Нет уж, ты достаточно уже... наговорил, так что теперь послушай. Я еще не... не огласила весь преискурант. Что там еще? Фирма. Машина "ситроен пикассо". Ах да, главное забыла. Жена, которая рождает правильных детей... И ты посреднике всей этой благодати – успешный-преуспешный. От лысины до спермы. Только вот Митьку, Митьку-то куда? Первый блин комом? Он не блин, Миша. Он человек... Ну ладно. Разговор в пользу бедных. Ближе к делу. Ты когда придешь?

(Переводит дыхание, слушает).

Вот что. Ни в каком новом. В этом. В самом, что ни на есть этом году! Он ведь ждет! Ну хоть это ты способен понять? Он двадцать четыре часа в сутки вопросы задает. Про ситроен, про проигрыватель, и почему ты не пришел, как обещал. Ни 22 сентября, ни 22 октября, ни 22 ноября, ни 22 декабря... Теперь вот новый год – и снова-здорово... Ты представляешь, каково это? Да что мне, мне-то что, ему каково?... Ладно. Договорились... Ну, ты знаешь: карандашики или фломастеры. Раскаски. Кассеты. Какие диски? Он не слушает дисков. Только кассеты. Он Моцарта любит. И Вивальди. Интересно, твои дочки Моцарта любят? Или только "Виагру"? Ладно... это так, мысли вслух.

Входит Вика.

Но это точно? Точно 30-го? Я могу ему сказать? Ладно. Пока.

Кладет трубку.

Вика. Папенька прорезались?

Маша. Это я прорезалась.

Вика. Ты же ему не звонишь!

Маша. Ну вот, позвонила. Корона с головы не свалилась.

Вика. А говорила: никогда.

Маша. Все на свете меняется.

Вика. И что?

Маша. Да ничто. Ноль. Круглый и полный. Толстый ноль. Во всех смыслах слова.

Вика. Так он всегда был ноль. И чего звонила, спрашивается?

Маша. Понадеялась сдуру.

Вика. На что?

Маша. На то, что все на свете меняется.

Вика. А где малыш?

Маша. В магазин пошел. Хлеба купить.

Вика застывает, открыв рот.

Вика. Ты же его никогда... одного...

Маша. Я же говорю: все меняется.

Подходит к окну, вглядывается.

Вика (*встревоженно*). Ну, идет?

Маша. Нет пока.

Вика. А если бы ты за ним, так, незаметненько... Спокойней было бы.

Маша. Я ходила. Но он чувствует. А мне надо, чтобы он сам... Это, в общем, не страшно. Ведь рукой подать. И продавщицы все знакомые. Только вот покупатели... (*Смеется*). Вчера говорит: "Мне один мужчина сказал, что я урод". Спрашиваю: "И что же ты ответил?". "Я ответил, что не урод, а мамин красавец Митюша". У нас хлеба за эти дни накопилось – хорошую скотоферму прокормить. Практикуется. Нет, хлебный – ничего. С гастрономом будет потруднее.

Митя (*входя, начинает разматывать шарф, быстро говорит*). Мама, здравствуй. Здравствуйте, тетя Вика. Вы зашли поговорить, да? Вы про что зашли поговорить? Про то, как вас муж бросил? Первый или второй? Второй или первый? А нас папа не бросил, мы сами ушли, да, мама?

Маша. Дмитрий, прекрати!

Митя. А почему? Мама, почему?

Маша. Иди хлеб в хлебницу положи, разденься, как человек...

Митя. Потому что говорить, что бросил муж, неприлично? Напоминать о тяжелых временах нехорошо, да?

Маша. Дмитрий! Ты не понял?

Митя. Я понял, понял... Я разденусь. Я сам разденусь, мама. Как человек. Потом я положу хлеб в хлебницу. Нет, сперва я вымою руки, как человек... А потом положу хлеб. Как человек. А потом...

Маша. Потом у тебя калькулятор.

Митя. Да. *(Уходит и тут же возвращается)*. Я не буду крутить кран! *(Уходит)*.

Вика. Далось ему мое семейное положение...

Маша. А я тебе что говорила: осторожней, у него уши-уши... Этот, он все слышит. И все на гора выдает. В любом месте и в любое время. Уже весь город в курсе. Все приемщицы в химчистках, продавщицы, все прохожие, проезжие...

Вика. Господи! Про меня?

Маша. Не волнуйся! Про меня тоже.

Вика. Машка...

Маша. Что?

Вика. Ты не обижайся... Я ведь не только мужиков... я и тебя люблю, Машка. Больше всех мужиков, честно. Вместе взятых. Я, знаешь, Машка, я... про тебя думаю. Вот иногда, веришь, ночью проснусь и все думаю, думаю.

Маша. И что же ты надумала?

Вика. Ты ж молодая еще... у тебя, можно сказать, все впереди...

Маша. Викуш, ну какая молодая? Это мы просто себе пилюлю сластим, порожек все сдвигаем и сдвигаем...

Вика. Какой порожек?

Маша. Сперва я думала: побуду молодой до двадцати восьми. Потом – до тридцати семи. Потом до сорока двух. Теперь вот – до смерти. Хотя на кой ляд мне эта молодость...

Вика. Не переводи тему. Ты же поняла...

Маша. Я его туда не отдам.

Вика. Его можно на выходные забирать...

Маша. Я его туда не отдам. Он там погибнет. И я без него...

Вика. Маш, я же ничего такого... Просто говорят, это не те уже интернаты, что были... там их не бьют, кормят, вроде, неплохо...

Неловкая пауза.

Ну ладно, хозяин – барин... Твое дело.

Пауза продолжается.

Ну чего ты... Ну сказала же: как хочешь – так и будет. Не злись, Машка. Ох, умеешь ты злиться, глазами зыркать. Давай-ка лучше...

Лезет в сумку, вынимает бутылку.

Маша. Это еще что?

Вика. Граппа. Клиент презентовал...Какая-то супер-пупер. Навороченная. Только в одном монастыре в Италии такая... Или врет...

Маша. Ну, у тебя и клиент пошел! Щедрый...

Вика. Это он расплатился так, сволочь. А ведь мне сначала показалось, что... Ну, в общем, такой мужик-мужик... И смотрел так... А оказалось: жлоб. Да что я... все они одним миром мазаны.

Достает из сумки палку копченой колбасы.

Маша. Тоже клиент?

Вика. Не, это я сама. Чтоб закусить. И Митяй любит... его обожаемая красненькая колбаска.

Маша. А что делала? Общий массаж?

Вика *(со вздохом)*. Если бы. Урологический. Ладно, Машка. Давай-ка нарежем и дерябнем. Живем одна!

Маша *(встряхивает головой)*. И правда. Одна!

Режут колбасу, наливают граппу в рюмки. Пьют.

Вика. Ну как?

Маша *(задыхаясь, откашливаясь)*. Ой... не знаю пока... Я ведь вообще-то...

Вика. Знаем-знаем, ты у нас трезвенница-язвеница. Ну и как твоя язва? Вынесет граппу-то?

Маша. Язва-то? *(После паузы).* Язва вынесет. Вынесет все, и широкую, ясную грудью дорогу...

Митя *(появляясь).* Мама, вы спиртной напиток пьете? Тетя Вика, спиртной напиток пить вредно.

Вика. По праздникам можно.

Митя. А какой сегодня праздник? Какой праздник, мама?

Вика. Суббота.

Митя. Суббота не праздник, суббота – выходной день.

Вика. Праздник-праздник.

Митя. А где подарочек?

Вика. Подарочек? А вот и подарочек.

Отдает ему ненарезанный кусок колбасного батона.

Митя *(берет, прижимает к груди).* Колбаска... красненькая... Спасибо, тетя Вика. Мама, а почему ты мне не сказала, что суббота – праздник? Чтоб подарочков не дарить, да, мама? Мама, а в праздник с калькулятором можно играть, да? Или надо парад смотреть? Я не хочу, не хочу, не хочу парад...

Маша. Можно, Митюша. Играй с калькулятором. Сколько влезет.

Митя. Сколько влезет – потому что праздник?

Митя уходит с колбасой.

Маша. Ну вот. Устроила ты мне счастье в личной жизни. Теперь каждую субботу будет подарочек требовать.

Вика. Прости уж, подруга. Сболтнула. Слушай, а давай еще хлобыснем? Между первой и второй...

Чокаются, пьют.

Маша *(задумчиво разглядывая рюмку).* А ты знаешь... мне понравилось. Ужас какой-то.

Вика. Ну почему сразу ужас? Машка, нельзя себя всегда в удилах...

Маша. Это не я – себя в удилах. Это Митька – меня в удилах. У него не забалуешь. Он это... бдит... Контроль – будь здоров!

Вика. Ну да. Он тебя и правда строит...

Маша. Это легко еще сказано... Он меня в зубах мотает. Как тузик – грелку. Митька, он – локатор. Все чувствует. Третьим глазом... Или средним ухом, черт его ведает. Еще и собственник страшный. Отелло. Отелло взревновалло, рассвирипелло и задушилло Дездемону...

Вика. И к кому это оно взревновалло?

Маша. Да просто смешно.

Вика. Скажи уж. Может, тоже посмеюсь. А то как-то не с чего. Давно уже.

Маша. К скайпу. К буковкам. Он так говорит: "Мама, твои буковки прискакали".

Вика. А ты что?

Маша. Убеждаю, что он единственный мамин красавец Митюша. Так и есть.

Вика. А может, не единственный... Потому и ревнует... к буковкам.

Маша (*беспомощно*). Уймись. Глупости. Там жена. Художница. Они в театр ходят... Хотя... странно. Она как бы есть и как бы нет ее. Он даже имени ее не называет. Просто пишет: "Извини, жена ждет с ужином". Или еще покруче: "Ужин приготовили".

Вика. Думаешь, хреново там?

Маша. Ну, не знаю. Семейным счастьем он не пышет. Ладно. Что это мы сплетничаем?... Давай лучше за моего единственного, за маминого красавца...

Вика. За Митяя!

Пьют, чокаются.

Машка, а Машка. А помнишь, как я тебя напоила?

Маша. Брр! Такое забудешь разве... Я тогда, знаешь, как домой шла? Посажу на лестничной клетке, полпролета проползу, на перилах повишу, опять посажу, проползу, повишу. Так на три этажа и поднялась. А на четвертом меня вывернуло.

Вика. Ну ты даешь! А чего не рассказывала?

Маша. Так стыдно же было. Ты-то как огурчик... Такая фифа-фифа, третий курс, кавалеры... иняз – это звучало ого-го как, а я? Мышка-девятиклашка... И ты меня... это самое... выбрала... отметила... Я гордилась ужасно. Хотя, может, тебе просто жалко меня стало: сидит на ступеньках такое нечто и ревет-ревет... Ну и подобрала меня по щедрости душевной.

Маша смеется, Вика всхлипывает.

Ты чего?

Вика. Жалко.

Маша. Чего жалко-то?

Вика. Да так. Всех. Тебя. Себя. Врать не буду, уж это в первую очередь. Иняз, кавалеры. И к какому черту лысому все ухнуло, ну скажи, Машка? Куда ускакало? Штаны "Вранглер". Тушь "Ланком". И от всего такое счастье! Как по небу летишь – и, заметь, на каблуке в 18 эсэм. Шузы ведь были совершенно пыточные. А теперь – и штаны, и тушь, и еще много разного, о чем и не догадывались. Как в анекдоте. Не радуют, блин... А каблук, Маш, ну какой каблук? Ты на мои ноги глянь. На вены эти, вулканы с кратерами...

Маша. Ну-ка покажи. И где ты видишь вулканы? Не дури. Красивые ноги. Вот у меня – это жуть. Всегда жуть была. Все в мини, а я одна по-пионерски. Хотя теперь и с не такими... а в сто раз похуже ходят, не стесняются. В мини, в лосинах! А может, так и надо? Ты посмотри, посмотри на меня – враз успокоишься.

Поддерживает брючины джинсов. Обе сосредоточенно сравнивают ноги друг друга. Вздохи, междометия, смех.

Маша (опуская брючины). Нет, это хорошо, что он не видит. Что только буковки.

Вика. А ты помнишь, почему ревела тогда, на лестнице?

Маша. Потому что ключ забыла.

Вика. Не-а. Потому что Илья свалил в другую школу. Ты спьяну проговорилась.

Маша. Да? Не помню... Он через ряд сидел. Наискосок. Только ухо видно было и щеку. Прозяпала четверть. Из-за уха. И щеки. Ну, из-за глаза иногда. Правого. У него глаза черные-черные... Может, и хорошо, что свалил. А то не видать мне медали. Хотя... я вот думаю, ну на кой мне сдалась эта медаль? На философию хотела... А философия – на кой? Дерриды все эти. Знаешь, как я его ненавижу?

Вика. Илью?

Маша. Дерриду.

Вика. За что?

Маша. Да за то же. Читала я его читала, писала я о нем-писала, читала-писала, писала-читала, а он оказался пустым местом... Потому и на гендер перекинулась... Обиделась на Дерриду. А гендер тоже, я тебе скажу... Карательная гинекология... Дурь. Мода. Мода всегда дурь.

Вика. Ну скажешь! Ты, может, женских прав добивалась...

Маша. Каких прав? Я просто дырку затыкала, чтобы пустота в нее не так свистала... С Мишкой счеты сводила. И без тебя, мол, справимся! Трудящаяся женщина Востока избавляется от оков! Пишу – и сама, вроде, верю. Избавляюсь от оков...

Вика. Думаешь, Мишка твои статьи читал?

Маша (*пьяновато*). Твой сарказм, Викуша, он неуместен... А Мишка... Да он, по моему, вообще читать не умеет. Разучился. Мужики все разучились. Кроме Ильи. Но ему по штату положено. Мастодонт и раритет. И я – такой же. Не жили – читали. Чушь всякую. Вот вся жизнь на слова изошла...

Вика. Ну, не вся.

Маша. Вся, Викуша. Подчистую. Кроме того, что не на чушь. И не на собачью.

Вика. А что не чушь?

Маша. Митька. Ты. Могилы родительские. Словом, просто. Как у всех. Как у людей (*смеется нетрезво*). Ой, чего это со мной? Я пьяная-пьяная...

Вика. Ну, ладно. Ну допустим, слова – чушь. А буковки? Буковки – не чушь.

Маша. Ну, может, буковки. Немножко. На один процент... Ты погоди, я погляжу, не нарисовались ли они, буковки-то...

Маша выходит на авансцену, там темно, пусто. Возвращается.

Тьфу ты! Представляешь, забыла интернет оплатить. А у них там вчера решалось, дадут ему авторскую колонку или нет... Теперь только в понедельник узнаю...

Вика. Ага. На один процент... Как же-как же. Да ладно. Донт трабл трабл. Радуйся, Машка, покуда радуется. Жизнь, она, падла, короткая.

Маша. Очень. Очень короткая падла жизнь.

Илья выходит на авансцену.

Илья. Маш, а Маш?

Уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Ильи. Марта сидит на диване, вперившись в экран ноутбука. Шевелит губами. Время от времени выписывает в блокнот какие-то слова.

Марта (*читает с акцентом*). Ну и скажи, что б я без тебя делал? Ты, Мария, гибнущим подмога... (*На экране возникает смеющийся смайлик*). Гибнущим... подмога... гибнуций (*бегает пальцами по клавиатуре*) – штербен... унтегангс.... Хильфе. Hilfe Untergangs.

Илья (*входит, он весел и трезв, кричит с порога*). Мартыха! Поздравь... (*Поет*). Еду я на родину! Пусть кричат – уродина. А она нам нравится, хоть и не красавица... (*Обрывает песню*). Марта! Ты что это... ты чем это занимаешься?

Марта остолбенело сидит, ноутбук на коленях.

Марта. Я делаю дер перевод.

Илья. Ну где твое немецкое воспитание, а? Ты троглодит, Марта. Знаешь, что такое – троглодит? Только троглодит хватает чужие вещи...

Марта молчит. Илья подходит, заглядывает в компьютер. Пауза.

Ага. Причащаешься вершин русской поэзии. Мандельштама постигаешь. Путем чтения моей личной переписки...

Марта молчит.

Какого черта ты молчишь, Марта? Хоть бы наврала что-то...

Марта. Что?

Илья. Ну, что... что убирала, что он... я не знаю... упал и включился... Или, что убирала, он упал, а ты проверяешь, не сломался ли...

Марта. Не получится.

Илья. Почему?

Марта. Я тряпу не взяла.

Илья. Тряпку.

Марта. Тряпку и швондру.

Илья. Швабру.

Марта (*послушно*). Швабру.

Илья. И много ты успела?

Марта. Что?

Илья. Осилить? С гугл-переводчиком...

Марта. Фаст алле.

Илья (*свирепо*). По-русски!

Марта. Почти все. После тот дер момент, когда она для вас дер гедихт, свой дер стих писалъ...

Илья (*растеряно*). Ну, Марта, ну ты и шпион...

Марта. Я не есть шпион...

Илья. А кто же ты есть, Марта, после этого?

Марта. После этого я есть ваш фройнд.

Илья. По-русски!

Марта. После этого я есть ваш друг.

Илья. Какой же ты фройнд... тьфу ты... друг после этого?

Марта. Хороший, я так думаю.

Илья. Ну ты даешь, Марта!

Марта. Гедихт ист гуд... Но очень печальный гедихт.

Начинает читать (с трудом, с акцентом, но выразительно. Это должно быть не столько смешно, сколько трогательно, будто Марта читает свои стихи).

А ночью был туман.
Как дымчатый котенок,
Он ластился к домам,
Спасаясь от потемок.
От них он убегал
В глухое заоконье,
А на земле ты спал,
Закрыв глаза ладонью.
Я думала: ну что ж,
Забыть тебя нетрудно,
Колючую, как еж,
Смешную безрассудность.
Ошибки и грехи,
Печаль свою и радость
Нелепые стихи
В голубеньких тетрадах.

И воздух пустоты,
И ветер, и усталость.
А все же я, как ты,
В тумане отражалась...

Илья (*бурчит*). Ну и что? Этому стиху в обед сто лет.

Марта. Сто?

Илья. Ну, тридцать... Девятый класс, третья четверть.

Марта. Вы ее совсем не замечали тогда, сто лет в обед?

Илья (*разводит руками*). Совсем.

Марта. А если бы вы ее замечали?

Илья. Не знаю.

Марта. Ganz anderes Leben...

Илья. Вряд ли. Та же была бы жизнь. Разве что еще с одной виной позади.

Марта. Это не есть хорошо.

Илья. Чего хорошего...

Марта. А теперь?

Илья (*все так же растеряно*). Не знаю. Ты меня не спрашивай, Марта.

Марта. Зачем тогда вы едет? На уродину?

Илья. На симпозиум... (*Раздраженно*). Ну да, да, повидаемся... наверно.

Марта. Вы боитесь?

Илья. Честно?

Марта. Честно.

Илья. Боюсь.

Марта. Но вы все равно едет.

Илья. Еду.

Марта. Могу я спросить господина профессора?

Илья. Да что с тобой поделывать. Спрашивай. Иначе сама раскопаешь. Для тебя же нет приватного пространства. Ты же шпион. И фройнд. Куда уж тут денешься: фройнд – он и в Африке фройнд. Даже если он – туполобый немецкий шпион. По совместительству.

Марта (*величаво*). Я не слышу, каких унижений вы мне сотворять.

Илья. Ты, кажется, о чем-то спросить хотела?

Марта. Вы еще мог зажить. Еще мог иметь семья. Дети.

Илья. Дети у меня есть. Один деть.

Марта. Другие дети.

Илья. Ты в уме ли, Марта?

Марта (*горячо*). Профессор Зиглер породил в шестьдесят четыре. Профессор Дюссер – в пятьдесят восемь. Вы тоже сможет. Вы младший.

Илья. Ммм... А не переоцениваешь ли ты меня, Марта?

Марта (*так же горячо*). Нет, господин профессор.

Илья (*развлекается, резонерствует*). В процессе ведь, как я помню, двое... гмм... задействованы, в смысле, принимают участие... Или ты думаешь, что это... ну скажем, как Афина, из головы Зевса? Или как Афродита... Из пены. Знаем мы, что это за пена. Сказать стыдно. Миляга Хронос набедокурил. Нет, про Афродиту ты забудь, на твой немецкий разум это совсем неприлично.... И даже Зевсу... даже ему, а громовержец ведь, не хвост собачий, так вот сперва ему пришлось-таки проглотить глупую беременную Метиду... Не чистый был эксперимент, вовсе даже не чистый... А если взять с другой стороны? Ой-ой-ой что у нас с другой стороны... Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари... Видишь, в конце концов Фамарь все же понадобилась.

Марта. Вы надо мной смеется.

Илья. До чего же ты догадлива...

Марта. Вы же понимает дер вещь, который я говорит.

Илья (*так же шутя*). Марта, но тут же одни немки!

Марта (*выпрямляясь, возмущенно*). А немки не есть женщины?

Илья. Ну, извини (*разводит руками, обаятельно улыбается*).

Марта (*гневно*). Вы сидит и сидит, пишет и пишет. И этот старый Машь сидит и сидит, пишет и пишет. И вы не видит, и он не видит...

Илья. Что?

Марта. Меншен... Либенден меншен. Живых человек.

Илья. Людей.

Марта. Людей. Зи зинд ин дер ниа. Они близко. Совсем. Здесь вот.

Пауза.

Илья. Марта... я очень тронут. Я, правда, тронут.

Марта. Вы ее даже не знает... diese Frau ist ein Mythos.

Илья. Ты права. Ты всегда права, Марта. Кошмарное свойство. Историческое. Ты хоть знаешь, кто ты исторически, а, Марта?

Марта мотает головой, смотрит на Илью.

Хотя, конечно, исторически – это условно. Библия и история – разное, да-да, но все же... хоть тень... тень истории. Тень биографии. Все повторяется, Марта.

Марта. Что повторяется?

Илья. Знаешь, как тебя звать по-русски?

Марта. Вы говорилъ. Марфа.

Илья. Вот-вот. Ты – Марфа. Она – Мария. Ты же протестантка, небось? Должна помнить. У вас, у протестантов, память хорошая...

Марта. Их бин айн атеист. Кирхе пригнетает женщину.

Илья хватается за голову.

Илья. Ой-ой-ой... Ну что, что ты на меня смотришь, как... я не знаю, кто... пионер-герой? Нет, наоборот. Как Торквемада.

Марта. Я жду.

Илья. Чего?

Марта. Мифос. Библия.

Илья. Пытливая ты однако. Западный рационализм. В самой дубовой ипостаси. Ну что с тобой поделаться... (*Речитативом*). Женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется у неё. Ну, поняла?

Марта. Поняла. Мария вар айн мус... должна быть помогать своя сестра, и тогда время отдохнуть быстрей наступило. Для двух-обоих.

Илья. Марта, ты дикая!

Марта (*убежденно*). Марта тоже могла сидеть возле его другая нога. Это простое дело – сидеть возле нога. Ви айн нунд. Как собака. А он биль голодный. Христос. Пока они сидель. Пока слушаль слово Его.

Илья. Оххх (*Растерянно*). Шла бы ты, Марта, поучила бы времена, ну и глаголы... переходные... непереходные...

Марта направляется к выходу, останавливается.

Марта (*голос ее срывается*). Натюрлих... я могу возле нога... Я могу слушать. Я все время слушать. Даже когда вы не говорить. Но... их верпах... я обещала. Заботить про вас. Я обещала...

Илья. Марта!

Марта (*со слезами в голосе*). Я обещала фрау Алионе!

Илья застывает. Марта выбегает. Раздается свист скайпа.

Илья (*на авансцене*). Маш? Вот и ты. Привет, Маш.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната Маши. Там чисто, все книги сложены. Возле елки стоят коробки с игрушками. Журнальный столик накрыт. Чашки, заварочный чайник, пирог. Звонок. Митя (один).

Митя. Присутственный день. У нас присутственный день. Гости и папа. Это гости или папа? Папа или гости? Мама, это папа или гости, папа или гости? (*Повторяет это все быстрее и быстрее*).

Маша входит. С ней Нинель Ивановна и Танечка. Нинель Ивановна – примерно ровесница Маши. Маленькая, юркая, цепким взглядом пробегает по комнате. Танечка – ровесница Мити, может быть, чуть помладше. У нее олигофрения. Она постоянно улыбается и время от времени издает какие-то междометия. На ней множество бус, браслетиков, которые она в течение сцены постоянно рассматривает.

Вы кто? Вы кто?

Маша. Митя, что надо сделать?

Митя. Поздороваться, да, мама? Здравствуйте. Я Митюша (*наклоняет голову, шаркает ножкой*). Я парень Митюша. Я раньше был мальчик, а теперь стал парень. А вы кто? А она кто? Она девочка или женщина?

Маша (*извиняется*). Это он имеет в виду, она еще ребенок или уже взрослая.

Нинель Ивановна (*оглядывая комнату*). Ничего-ничего. Ничего-ничего.

Маша. Но что же мы стоим? Присаживайтесь.

Все садятся, начинают пить чай. Митя берет по куску пирога в каждую руку, быстро съедает один, потом другой. Таня сосет пирог.

Нинель Ивановна (*сладким голосом*). У нас хороший аппетит, да, Митюша? Мы хорошо кушаем?

Митя. Вы хорошо кушаете?

Нинель Ивановна. Это я про тебя говорю, Митюша.

Митя. Нет, не про меня, нет, про себя, мама, правда, она про себя? Она сказала, что хорошо кушает.

Маша. Не "она", а Нинель Ивановна.

Митя. Нинель Ивановна сказала, что хорошо кушает, правда, мама? Она хорошо кушает, мама? Нинель Ивановна хорошо...

Маша. Дмитрий, прекрати (*Оправдываясь, Нинели Ивановне*). Он волнуется.

Нинель Ивановна печально качает головой.

Нинель Ивановна. Тяжелый он у вас. Извиняюсь, это он такой родился?

Маша. Митя, покажи Танечке свои машинки.

Митя. Это она – Танечка, да? Вы Танечка?

Танечка (*широко улыбаясь*). Ууу.

Митя. Танечка хочет посмотреть мои машинки?

Танечка кивает головой. Уходят, садятся на пол на заднем плане. Митя вынимает машинки по одной из ящика, Танечка самозабвенно играет машинками, как если бы они были куклами. Гладит их, качает.

Нинель Ивановна. А у нас грипп был. В четыре месяца.

Маша сочувственно кивает.

Но знаете, Танечка, она вообще-то смышленная. Самая умная в группе.

Маша. Она очень милая, правда.

Нинель Ивановна. А супруг ваш...

Маша. Мы с ним расстались. Давно.

Нинель Ивановна. Понимаю. Такое не каждый снесет. Мужчины – слабое звено. (*Гордо*). А мой вот выдюжил. Души в Танечке не чаял. Только умер. Взял да и умер.

Маша. Ох...

Нинель Ивановна (*бодро*). Что ж. Это жизнь. Все там будем. На чем я остановилась?

Маша. На том, что ваш муж любил Танечку.

Нинель Ивановна. Да-да. Супруг мой Танечку просто обожал. Но Танечка, извиняюсь, она же не такая, как ваш... Все же странный он у вас какой-то.

Маша. Еще чаю?

Нинель Ивановна. Пожалуй что...

Пауза.

А Инессу вы откуда знаете?

Маша. Да я ее и не знаю, собственно. Мне просто дали телефон. Сказали, что она... устраивает такие дела.

Нинель Ивановна (*разочарованно*). Так вы не знаете Инессу? Мы Инессу все прямо боготворим. Вы в курсе, сколько она провернула таких браков? Четыре! И все счастливые.

Поднимает четыре пальца.

Митя (*встрепенулся*). Мама, что четыре? Четыре – что?

Маша. Ничего, Митюша. Все хорошо. Простите, вы не могли бы... потише... Митя, он все слышит... и беспокоится. Он не любит, когда кричат.

Нинель Ивановна (*обиженно*). Я не кричу, это у меня голос такой... Извиняюсь, конечно, я ничего не хочу сказать, но вы ему очень уж в попу дуετε.

Маша. То есть?

Нинель Ивановна. Ну, балованный он у вас сильно. Моя Танечка – ни-ни. Она и на стол накрыть умеет, и прибрать... Себя полностью обслуживает. Ну, почти полностью. И чисто плотная в женском смысле.

Маша. Митя тоже. Он убирает. Пылесосит. Он очень аккуратный. Руки часто моет. В магазин вот ходит, в хлебный.

Нинель Ивановна. Ну-ну. Ну-ну. (*Доверительно*). Знаете, если б не такая ситуация, я на это ни в какую не пошла... Я гордая. По наследству. Матери линия все сильно гордые были. Я на первого попавшего не кидаюсь. Но вы же знаете... Вам же Инесса говорила, наверно, о моих обстоятельствах.

Маша. Да-да, что-то с квартирой...

Нинель Ивановна. Тут прямо трагедия. Родная сестра, понимаете, родная сестра! Захапала жилплощадь... Мы с Танечкой в проходной... А она шась-шась. Туда-сюда. Назло, просто, понимаете, назло. Чтобы показать! И Таню мою обзывает. Идиоткой обзывает, недоноском... А дочка ее Таню щиплет. И ворует у Тани у моей!

Маша. Что?

Нинель Ивановна. Да все самое дорогое. Что Танечка больше всего любит. Браслетики! Помадочку. Бусики.

Митя. Кто ворует? Мама! Кто ворует?

Маша. Все в порядке, сына. Один человек...

Митя. Он вор? Он вор, этот человек, да, мама?

Маша. Да, Митюша,

Митя. Это про которого в метро писали, да?

Маша. Да, малыш. *(Нинели Ивановне).* Прошу вас, тише...

Нинель Ивановна. Привередливый он у вас. А он хотя бы не ворует?

Маша. Что вы!

Нинель Ивановна. Ладно. Поживем-увидим. Хотя я ожидала, что он как-то... ну, в смысле... А он, извиняюсь... Странный он все же.

Маша *(жестко).* У него аутизм. Вам, кажется, нужно жилье? Или... не нужно?

Нинель Ивановна. Ну... Я же ничего такого. Я же только... Ведь согласитесь, все же моя Танечка... как-то...

Дуэль взглядов. Нинель Ивановна опускает глаза первой.

Мгм... Может, вы квартиру покажете?

Маша. Да, конечно.

Уходят. Митя с Таней играют. Митя ставит на пол машинки, Таня их катает, укладывает их спать, накрывает тряпочками. Оба очень сосредоточены.

Митя. Я скоро буду пожарник, потому что я уже парень. Все парни работают. А девочки не работают. Работают женщины. Вы девочка или женщина?

Таня. У-у-у.

Целует машинку. Пытается прицепить ее на бусы.

Митя. А к нам сегодня папа придет. У нас присутственный день. Вы потому пришли, что присутственный день. И папа придет.

Таня. Паааа...

Митя. Как зовут вашего папу? Как его имя? Как его имя-отчество-фамилия? Какие у него инициалы? Сколько ему лет? А вам, Таня? Вы девочка или женщина?

Таня поднимает руку, растопыривает пальцы.

Вам пять лет, Таня? Пять лет – это девочка? Мама, мама!

Входят Маша и Нинель Ивановна.

Таня говорит, что ей пять лет. Ей пять лет, да, мама?

Нинель Ивановна. Нет, он все же... ну, в общем... Пять лет! Это ж надо такое придумать!

Маша. Митя никогда ничего не придумывает. Это ваша Таня ему сказала.

Нинель Ивановна. Таня не могла сказать.

Маша. Почему?

Нинель Ивановна *(зло)*. Потому что Таня не говорит.

Пауза.

Маша. Простите.

Нинель Ивановна *(поднимает голову кверху, бодро)*. Ничего страшного. Лучше уж так, чем как... ну вы понимаете.

Маша. Не понимаю.

Нинель Ивановна. Понимаете, понимаете... У нас-то случай легкий... *(Примирительно)*. Но ничего, ничего, справимся *(Оглядывается на Митю и Таню)*. Ну не голубки ли? Сущие голубки... Гм... Условия ваши хоть и не так, чтоб очень, но удовлетворяют... На троих *(Смотрит на Машу)*. На четверых маловато.

Маша. На троих.

Нинель Ивановна *(в голосе просыпается что-то человеческое)*. Я извиняюсь, а вы уверены?

Маша. В чем? Что умру?

Нинель Ивановна. Ну зачем же вы так!

Маша. Все остается в силе. Вот только числа сказать не могу.

Нинель Ивановна. А если... оперировать?...

Маша. Вряд ли это поможет. Давайте-ка лучше к делу.

Нинель Ивановна. Вы как-то так об этом говорите... Даже неудобно...

Маша. Что именно?

Нинель Ивановна. Такая сложная ситуация...

Маша. Вот в этой ситуации как раз все и удобно. Ладно... к делу. Собственником квартиры пожизненно остается Митя. Вы будете прописаны как субквартиранты. Не более того. Детей им не рожать, а на ваш век хватит. И на Танечкин (*Берет со стола листы бумаги*). Посмотрите и если не возражаете, на следующей неделе к нотариусу... И еще: у Мити будет опекун. Его отец или моя подруга, еще не знаю. Должна вас предупредить: контроль будет жесткий.

Нинель Ивановна. Вы не думайте, мы люди порядочные...

Маша. У меня нет времени думать.

Нинель Ивановна. Вам бы попробовать это... нетрадиционные методы. Говорят, есть в Дубовлянах такая бабка Лена, чудеса творит... А вы ж, небось, только по врачам, по врачам...

Митя. Мама, по каким врачам? По тем, где у нас дела, мама? По твоим врачам? Которые тебе лекарство капают? Чтобы жить было лучше лекарство? К твоим врачам или к моим врачам? У меня ничего не болит! Ты зачем меня поведешь к врачам? У меня ничего не болит, мама!

Маша. Успокойся, сына, все в порядке. К моим врачам. К моим...

Нинель Ивановна. Что это с ним?

Маша. Ему зуб рвали. Он боится.

Митя. А-а-а-а!!!

Таня подходит к Мите, обнимает его, гладит. Он шарахается от нее в сторону, закрывается руками.

Митя. Мама, пусть меня не трогают! Пусть Танечка меня не трогает!

Нинель Ивановна. Ну-ка, довольно! Прекрати, слышишь!

Подходит к Мите, хватает его за руку. Митя кричит.

Маша. Не прикасайтесь к нему!

Митя кричит, Таня плачет.

Нинель Ивановна (*отдуваясь*). Еще и не прикасайся... Снегурочек нашелся! Вы ему в жопу передули, извиняюсь, конечно... Тяжелый он у вас. Таких в интернат...

Митя. Я не хочу в интернат! Я хочу дома. Я хочу мой магнитофончик. Да, мама? Мама, пусть она... пусть Нинель Ивановна уйдет, да? Пусть Танечка останется, а она пусть уйдет!

Маша. Простите.

Разводит руками. Вынимает листы из рук Нинели Ивановны.

Нинель Ивановна. Что?

Маша. Простите.

Нинель Ивановна. Что?

Маша. Вы же видите...

Нинель Ивановна. Да-да.

Плечи ее опускаются, с нее слетает напускная бодрость. Сейчас это просто маленькая, растерянная женщина.

(С надеждой). А может... может еще как-то устроится все, стерпится-слюбится?

Маша качает головой. Нинель Ивановна снова поднимает голову.

Ну что ж. На нет, как говорится, и суда нет.

Маша. Вы простите.

Нинель Ивановна. Ничего-ничего. Вам хуже. У меня в семье по женской линии все долгожители. Даст Бог, и Танечку мою переживу. Не придется ее по чужим-то рукам пристраивать...

Внезапно подается вперед и обнимает Машу. Стоят обнявшись.

А вы это... держитесь. Верьте, так сказать, в лучшее. В церковь ходите. И к бабке Лене. Обязательно к бабке Лене... И в церковь. Бог даст. Или бабка Лена. Кто-нибудь из двоих так непременно...

Нинель Ивановна и Танечка выходят. Маша трет бок, бессильно опускается в кресло. Митя в углу собирает машинки. Потом выходит на авансцену, возвращается.

Митя. Мама, ты почему так сидишь? Ты горюнишься, мама? Ты не горюнься. Там буковки твои прискакали, мама.

Маша уходит, становится на авансцену. Стоит с трудом, пошатываясь.

Митя (*ходит по комнате, трясет руками, подпрыгивает, говорит тихо*). Моего папу зовут Михаил Петрович. Он работает директором. У него машина ситроен. Там проигрыватель, но папа его выключил. Я буду пожарником. Присутственный день. Папа не пришел. Он перепутал? Это я перепутал. Я путаник. Присутственный день завтра. Папа придет завтра, да? И Танечка. Потому что завтра новый год.

Щелкает кнопкой магнитофона. Звучит Вивальди. Митя неуклюже подтанцовывает. Под музыку и идет следующая сцена.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Маша и Илья на авансцене (Примечание: сцена должна быть контрастной – между веселой интонацией Машиных реплик и ее поведением. Должно быть видно, что ей нехорошо). На протяжении сцены Маша и Илья постепенно приближаются друг к другу.

Илья. Привет!

На экране возникает смайлик.

Маша. Привет.

На экране возникает второй смайлик. Примечание: смайлики не должны исчезать, только прибавляться. Практически к каждой реплике – тот или иной смайлик. К концу сцены на экране должна быть эмоциональная канва беседы – из разных прыгающих, веселящихся, печальных и нежных смайликов.

Илья. Ты как?

Маша. Нормально.

Илья. Как дела? Как сын?

Маша. Сын? Сын хорошо. Сегодня невесту приводил.

Илья. Ого!

Маша. Ага. Представляешь? И не одну.

Илья. То есть? У него их много?

Маша. Да ну тебя! Не одну – это значит с мамашей!

Илья. А я, было, подумал, что он у тебя мусульманин. Четыре гурии... Знаешь, глобализация, то да сё. Рост ислама. Восток преодолевает Запад. Переливание культур. Из пустого в порожнее.

Маша опускается на пол, съезживается. Пауза.

Илья. Эй, ты где?

Маша. Я здесь.

Илья. Так что там у нас за невеста?

Маша. Танечка. Хорошая девушка. Тихая. Аккуратная. Вот мама ее... Хотя, вроде бы, в глубине души неплохая женщина... Впрочем, еще ничего не решено. Он всегда сам решает.

Илья. Самостоятельный он у тебя.

Маша. Да.

Илья. Слушай...

Маша. Что?

Илья. Есть новость. У вас там симпозиум. По гендеру. Ну, ты знаешь... Пойдешь ведь, наверно...

Маша. Не пойду.

Илья. Почему? Твоя же тема.

Маша. Да так, дела... Да и охладела я к этой теме.

Илья. А-а-а... Слушай. Я буду там... на симпозиуме. Со среды и до субботы.

Взволнованно ходит по авансцене.

Я хотел бы встретиться. Если ты не слишком занята.

Маша с усилием встает. Подходит к зеркалу, которое висит на сцене. Смотрит в него. Проводит рукой по лицу, будто пытается что-то с него стереть. Трет лицо все сильнее и сильнее, сильнее и сильнее. Снова смотрит в зеркало. Сгибается. Достает из кармана конвалютку с таблетками, вытряхивает несколько в ладонь, глотает. Выпрямляется, возвращается на авансцену.

Маш, ты где?

Маша. Здесь я, здесь. Куда ж я денусь? Это через неделю, да?

Илья. Через восемь дней.

Маша. Наверно... наверно, смогу.

Илья. Нет, если ты не хочешь...

Маша. Хочу. Я, правда, хочу.

Пауза.

Илья. И я. Тоже правда.

Маша. Только я... я изменилась сильно. Впрочем, это неважно... ты ведь меня все равно не помнишь.

Илья (*задумчиво*). Знаешь, мне кажется, помню. Я даже уверен, что помню.

Маша. Детские у нас тобой разговоры. Осторожные, боязливые. Важное по краям обминаем. Как в девятом классе. В третьей четверти.

Илья. Просто мы наверстываем жизнь. И сейчас где-то там, как раз на уровне девятого класса. Третьей четверти.

Маша (*эхом*). Наверстываем жизнь... Третьей четверти...

Илья. Хорошее было время...

Маша. Ужасное.

Илья. Почему?

Маша. В конце третьей четверти ты перешел в другую школу.

Пауза.

Илья. Гм... А давай, будто я не перешел.

Маша. Ты меня все равно бы не заметил.

Илья. А давай, будто я заметил.

Маша. Нет.

Илья. Почему?

Маша. Потому что с людьми так не бывает. Только с буквами.

Илья. С какими буквами?

Маша. Мы – буквы.

Илья. Мы – люди.

Маша. Нет.

Илья. Ладно. Оставим пока. Вот увидишь меня и... сама увидишь... В смысле, поймешь.

Маша. Я боюсь.

Илья. Я тоже.

Маша. Ты напиши что-нибудь про себя, ладно? Настоящее. Чтобы не все буквы были.

Илья. Настоящее? Я подумаю, можно?

Ходит по авансцене.

Алена... Я не скажу о тебе, Алена.

Маша. Не главное. Просто важное. Главное – не надо. Может быть, потом... Когда приедешь. Если захочешь.

Илья. Важное? Мне дали колонку.

Маша молчит.

Ну, ладно, ладно... Понял (*Ходя по сцене, в пространство*). Меня любит Марта.

Эти слова появляются на экране, но тут же стираются, как в скайпе: ясно, что он их не написал. (Примечание: возможно, слова, которые на самом деле он не пишет, Илья должен произносить в сторону. Он как бы пробует эти слова на звучание и отбрасывает).

Моя дочь, Лиза, она... Она меня ненавидит. Может быть. А может, нет.

Эти слова тоже появляются и тут же стираются.

Я вот думаю... иногда, что зря уехал...

То же самое. Илья собирает с духом. Выпаливает.

Я пью. То есть, пил. Много. А сейчас... сейчас – нет.

Делают шаг друг к другу. Уже совсем близко. Маша молчит, вопросительно смотрит на Илью.

Это из-за тебя я больше не пью. Наверно.

Илья выдыхает. Видно, что признание далось ему непросто.

Теперь ты.

Маша. Я?

Илья. Не главное! Просто важное...

Маша. Не главное? Просто важное?

Илья. Не просто важное. Очень важное.

Маша. Очень важное?

Илья. Да.

Маша. Буковки.

Илья. Буковки?

Маша. Буковки.

Подходят друг к другу на расстояние вытянутой руки. Протягивают руки, ощупывают ими воздух, наталкиваются будто на стекло. Замирают. Ладони совсем рядом, но будто бы между ними стена. Глядят стену. Свет внезапно гаснет.

Голос Мити (*в темноте*). Мама, а где свет? Мама, куда исчез свет? Он спрятался, да? Мама, почему ты молчишь! Где свет? Почему ты молчишь? Ты злишься, мама? Ты на меня злишься? Что я сделал? Я не трогал кран! Ведь я не трогал кран, правда? Не трогал, не трогал, не трогал. Я не брал персоль!... Мама, я нарисовал пожарную машину, смотри... Ты не видишь, потому что нет света, да? Ты боишься, потому что нет света, мама? Ты не бойся, это просто замкнуло проводки. Я не боюсь... я не боюсь, потому что парень... Я настоящий парень. Мне двадцать два года, это уже парень. А Танечке пять лет, она сказала.... Танечка боится без света? Я не боюсь. А ты боишься, мама?

Мамамама... Почему ты лежишь и отвечать не хочешь?

КАРТИНА ПЯТАЯ

Пустая комната Ильи. Искусственная сияющая елка. Входят Марта и Лиза. Марта в домашнем, Лиза в модном пуховичке. Расстегивает его, снимает, небрежно кидает на руки Марте. Марта вздергивает голову, мнет в руках пуховик. (Примечание: он может всю сцену находиться в ее руках). Лиза держит в руке красиво упакованную подарочную коробку. В течение разговора (до соответствующей ремарки) Лиза смотрит не на Марту, а в пространство.

Лиза. Где?

Марта. Он мне не делал рапорт.

Лиза. Ну да. Было бы странно.

Марта *(механически)*. З Новым годом! З новым щастем!

Лиза *(в пространство)*. У моих знакомых попугай. Большой-пребольшой. Все время из себя перья выщипывает. Жирный, как курица. Ощипанная.

Марта. Пугай?

Лиза. Папажи.

Марта насупливается, подозрительно смотрит на Лизу.

Марта. Я не понимают.

Лиза. А ты в зеркало глянь. Дер шпигель.

Марта. Элиза...

Лиза. Что?

Марта. Не надо так делайт, Элиза.

Лиза. Делайт-не делайт. Ты три года **живешь** здесь. Три года! Ты же, вроде, русский учишь... За три года я бы по-птичьи чирикать научилась бы. Как папажи. Да что там – за три месяца!

Марта. Я не есть способная к языкам.

Лиза. Тогда чем ты тут занимаешься? Твой словарный запас, птичка ты Божия, как в кино. "Хенде хох, матка, курка, яйки..."

Марта. Ты смеяться. Ты смеяться со злом. Это советише кино. Оно не всё есть вар, не все есть правда.

Лиза. Твой прадед убил моего.

Марта. Твой прадед убивал мой прадед тоже.

Лиза. Твой первый начал.

Марта. Твой просто не успевал первый.

Лиза. Ладно. С тобой толковать – как с папажи. Или с курицей. Ощипанной.

Марта. Элиза... Откуда все время такой злость, Элиза? Твоя мама была другая. И папа...

Лиза (*резко оборачивается к Марте*). И у тебя язык повернулся, дрянь такая?

Марта (*пугаясь*). Элиза...

Лиза. Ты смеешь говорить о ней? Ты смеешь – о нем?

Марта. Варум? Почему я не говорить? Почему – я не смеешь?

Лиза. Ты... тут... у ее постели... Крутила задом. Лыбилась. Она умирала, а ты лыбилась.

Марта. Я не понимаю. Что я делает неправильно?

Лиза. Она кричала, помнишь? А ты улыбалась!

Марта. Улыбка для хорошей настрой. Фюр оптимисмус. Мне это не есть... не быть легким.

Лиза. Не ври!

Марта. Я люблю фрау Алиона. Я помню фрау...

Лиза. Папажи! Курица! Корова!

Илья выходит из двери, у него в руках несколько подарочных коробок.

Илья. Прекрати!

Лиза. И давно ты тут наушничал?

Илья. Не наушничал, а подслушивал. Ты забываешь русский...

Лиза (*тоскливо*). Я тебя ненавижу, папа. Знал бы ты, до чего я тебя ненавижу.

Илья. Я догадываюсь. Не знаю, правда, за что.

В речи Ильи нет больше заискивания, желания сгладить конфликт, как в предыдущей сцене с Лизой. Вообще он выглядит более уверенным и сильным (во всяком случае, в первой части сцены).

Лиза (*медленно, спокойно*). А ты подумай.

Илья. Я думаю. Я три года только и делаю, что думаю.

Марта тихо уходит, унося пуховик.

Перекладываю мысли то в одну стопку, то в другую.

Лиза. Красиво говоришь, па. Это ты умеешь. Чего не отнять, того не отнять.

Илья. Спасибо.

Лиза. Кушай на здоровье.

Илья. Это моя вина?

Лиза. Что?

Илья. Что говорю... красиво.

Лиза. И это тоже.

Илья. Ну, извини (*разводит руки, с усилием улыбается*).

Лиза (*снова срывается на крик*). Вот оно, вот! Твое вечное: ну, извини!

Илья. Что такое? Это просто фраза. Просто форма...

Лиза (*Каждое "ну, извини" она сопровождает разведением рук, передразнивающим жест Ильи*). Просто форма, значит. "Ну, извини"... И как же не извинить? Ты же у нас милашка, па. И ей хватало. Она думала, это любовь. Такая... **недоделанная**. Любит, мол, как умеет. Умеет, правда, хреново, но... А это, оказывается, форма.

Заполночь явишься, на бровях. И причины... смешные какие-то причины... тут же, у дверей, выдумал, раньше лень было: "Ну, извини", мол... И она верила. А что ей еще оставалось? Ведь все на тебя поставила, все! Могла поставить на другое, на Питер, на книжки свои, не знаю, что там у нее было еще, но что-то же было... А она – все на тебя ухнула... Всю жизнь – без оглядки! И как же теперь не верить? Как не верить тому, на которого все, все поставлено? Это что же значит: жизнь даром, да, пап?

Молчишь? И правильно. И молчи. Что ты можешь сказать, кроме вот этого своего "Ну извини"!

А помнишь, как она исхудала? Тогда, па. Она все уже знала. Ходила по врачам. Два месяца! Тихо ходила, молча, чтоб не встревожить... Тебя, меня. Что ты сказал тогда, а? Когда удосужился заметить. "Ален, похоже, эта новая диета тебе не на пользу. Она тебя... гм... как бы это сказать... взрослит". Ты имел в виду "старит", па, "старит"! И "ну, извини". Вечное твое подлое, обаятельное "ну, извини".

Илья. Не надо.

Лиза (*не слышит*). А когда ты узнал наконец? Помнишь...

Илья. Не надо.

Лиза. Нет уж! Мы с тобой уже три года... как это сказать по-русски... взаимно вежливы. Я не хочу больше быть вежливой, не хочу...

Илья. Ты и раньше-то... не баловала. Лиза! Все, что ты мне скажешь... Я себе это уже сказал. Сто раз или тысячу. И похуже сказал. Ты даже не представляешь, насколько похуже.

Лиза (*тоскливо*). И снова ты врешь.

Илья. Не вру.

Лиза. Врешь, па. Потому что если сто раз, если даже один раз... Тогда ты уже сто раз должен был...

Илья. Что, Лиза? Что я был должен? Покаяться? Повеситься?

Лиза молчит.

Да что ты знаешь обо мне, Лиза?

Лиза. Что ты – трус.

Илья. Трус?

Лиза. Ты струсил. В штаны наложил. Спрятался! За врачей: они знают, что делают. За маму: у нее сильный организм. За пьянки. За дуру эту несчастную – есть кому за мамой присмотреть, пока ты там, где-то в нетях блистаешь. Да в курсе я, что она тебе ни ухом, ни рылом, коровища... Это же ниже плинтуса себя уронить, чтобы с такой...

Илья. Марта – мой друг. И мамин.

Лиза (*не слышит*). Ты ей все время что-то подсовывал: докторов, таблетки, корову эту безмозглую, которая ей постель перестилала и лыбилась, как даун. Все, что можно купить. Чтоб комар носу не подточил.

Илья (*будто бы сам себя убеждая*). Я делал то, что мог.

Лиза. Ты? Да ты ничего в своей жизни не нарушил. Как было – так и осталось. Кроме ужинов со свечками. И завтраков. Некому подавать стало. Хотя... Знаешь, я когда-то, давно, еще когда все как бы в порядке было, я тогда думала... Так, гипотетически думала, па, ну иногда ведь думается о таких вещах: когда мама не встанет приготовить тебе завтрак – значит, она умирает. Я ошиблась.

Илья. Не надо.

Лиза. Она встала. Она приготовила. Она даже посуду вымыла. И лишь потом легла. Умирать.

Илья. Не надо.

Лиза. А ты съел. Поцеловал ее. И ушел.

Илья. Я не знал.

Лиза. А потом? Когда знал уже...

Илья. Я не мог бросить работу.

Лиза. Работу, конференции, пьянки с этим твоим... как его... рыжий такой, пузатый... ну да, с Йосом. У нее оставались полгода, месяц, неделя, а ты...

Илья. Человеку нужна зона покоя.

Лиза. И у тебя язык повернулся...

Илья. Она понимала.

Лиза. Она всех понимала. Тебя, меня, дуру эту бессловесную... А ее кто понимал? Кто? Ты, или я, или эта, может быть?

Илья. Ты только себя не кори, Лиза... Никто тут не виноват.

Делает к ней шаг.

Лиза. Я? Себя? Ну уж нет, па... Я тут – сбоку припека. Так ведь по-русски? Никто не виноват? Это ты, все ты, с самого начала. Это ты ее сюда увез! Как вещь! Увез, поставил на какую-то там воображаемую полку, рядом с другими безделушками и забыл!

Илья (*безнадежно*). Там она бы умерла раньше. И гораздо страшнее.

Лиза. Там ей было... было бы, для чего жить. Кроме завтраков. Кроме ужинов со свечками. И ожидания, этого проклятушего ожидания...

Пауза.

Илья (*все так же безнадежно, заученно*). Мы думали о тебе. О твоём будущем.

Лиза (*устало*). Не ври, па... ну не ври. Это она думала обо мне. И о тебе. А ты...

Илья. Хорошо. Я не буду. Не буду врать, Лиза. Что ты хочешь услышать? Что я угробил ее жизнь? Да, я угробил ее жизнь...

Вбегает Марта. Лизин пуховик по-прежнему в ее руках.

Марта. Аншлаг! Прекратить! Вы все прекратить это! Эту... бучу... Прекратить пороть эту ди чушь!

Молчание. Лиза и Илья, оторопев, смотрят на Марту.

Угробиль-угробиль... А она говорить: украсиль! Фрау Алиона говорить.

Подходит к Лизе.

Что ты зналь? Зи виссен ниht. Ты нишего не зналь. Ты глупая, злая! Злая глупая девушка!

Лиза. Это я-то не знала? Я которая, между прочим, каждый день здесь...

Марта. Йа. Ты быть здесь... Каждый день. Между протчим. Ты быть и потом уходить. В свой дом. Где есть чисто, где есть тихо. Где арома... Где покой. Приходить – уходить. Уходить – приходиться. Между протчим. А он возвращаться. Всегда. Он возвращаться и ложиться к ней... им бец. В постель! Там пахло, пахло! Он был тошнить... сначала. По непривычке. Всякий вечер.

Илья. Марта!

Марта. И всякий вечер ложиться. Ложиться к ней и шутить. Анекдоты говорить. Он искать анекдоты в интернет. Он их искать ам морген, перед работа. Он заучить их. Чтоб ей рассказать в вечер. И... он мить ее всякий вечер. И всякое утро. И ночь. И они были щастливые. Они много смеяться. И шепотать. И еще ласкать. Ласкать тоже. И я... я завидовалась. Я ей так завидовалась! Я мечтать, чтобы кто-то так... со мной. Если такой ситуацъон со мной... вирд... послучится.

Илья. Прекрати немедленно.

Марта. А когда ты, Элиза, биль на лекция или свой белек охраняль, когда вы, профессор, биль на работа, она мне говорил, она, фрау Алиона: "Мне везиот, Марта, если бы ты знала, как мне везиот. Ни один скучный день во вся ляйф, во вся моя жизнь. Ни один пустой день!". Она это говорить. Вот это есть вар, вот это есть правда! Я знаю. Их вайс аллес. Даже секреты. Она биль мой фройнд... *(Другим голосом, очень нежно, мягко, с улыбкой)* "Наш первый раз в лесу был. Я ему сказала: "Иди ко мне. Только... ты не бойся. Потому что я и сама боюсь". Я тоже, я тоже хотель бы такое сказать, когда ко мне будет прийти...

Илья *(Тихо, себе).* Ну вот. Вот что ты мне сказала тогда, Алена.

Марта. ... ам морген, я в утро пришель, а они лежать. Оба. И она... Зи ист тут. Зи ист тут. Элиза! Она быть мертвый. Совсем. Давно. А он обнимать и смотреть на нее, смотреть...

Илья направляется к двери в стене.

Марта. Он беган цу либен... он только что начинайт жить, а ты, злая, злая девушка... Глюпая.

Лиза. Па...

Делает жест, будто собирается пойти за ним. Илья выходит. Дверь закрывается. Поворачивается ключ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Квартира Маши. Горит гирлянда на елке. Больше на ней ничего нет. Ящики с игрушками стоят так же, как и накануне. Шум льющейся воды. Вика говорит по телефону.

Вика. Ну... Ну... А что они могут сказать? *(Передразнивает)*. Ну, вы ведь сами понимаете... А с чего это я должна понимать, вы объясните, блин. Вы кто – врачи? Или метафизики, нафиг... Я говорю: почему так внезапно? А они: ничего не внезапно, она давно лечилась... Как, говорю? А они: обычно. Химия. Ну, Машка, ну, партизанка, блин. И Митяй тоже... крепкий орешек. Как не надо – так язык помелом, а как надо... зараза...

Звонит мобильный.

Одну секунду. *(Ее голос меняется, становится ласковым)*. Да. Ну да. Ну, не знаю еще покуда. У меня тут... Да, проблемы.... Потом расскажу. Нет, ничего не отменяется. Ничего. Целую.

(В стационарный телефон). Але. Тут я. Я говорю: она... это... выйдет еще? А они: не знаем. А кто должен знать, ну кто? Папа Римский?... Чего? Миш, ну какой салатик? Какой тортик? Она же в коме... Не поняла. Ты никак совсем с катушек? Ты чего ее хоронишь, блин? Из комы, между прочим, выходят!... Помнишь, в "Хаузе"? Не смотрел?! Ну ты и...

А что? Нет, не слышит. Моется. Жуткое дело. Он туда банку пены ухнул... успокаивается так. Но ничего, вроде. Молодцом. Представляешь, сам же пришел, в дверь позвонил: там, говорит, мама легла и не хочет вставать... Главное, еще свет вырубил... к празднику подарок. Митяй по темной лестнице... три этажа... один. Как это – ничего страшного? Ты хоть в курсе, что он темноты боится?!

Звонок мобильного. Говорит в мобильник.

Да! Да. Что? Лазанью? Нет, лазанью не хочу... Лучше мяса, стейк... Ого! Ну и цены... А лазанья, что, дешевле? Понятно. Понятно, говорю. Ну ладно, пускай лазанья... Слушай, я перезвоню. Да, сама перезвоню. Тут проблема у меня. Целую...

(Шмыгая носом, в телефон). Ладно, Миш, ближе к делу. Ты когда?.. Мне бы оптимальней, чтоб часа через полтора, позже мне уходить надо... *(Пауза).* Да ты что, офонарел? Интересное кино. Я тут вообще каким боком? У меня, между прочим, свои планы... Да, Митька в них не вписывается... категорически. Тебе дело? А хотя бы и мужик... вот только не надо... не учи меня жить.

Два дня? Я тебе нянька, блин? Постой, какие еще два дня? Третьего? Ах вот оно как... Договорился, значит? Пospел пострел... Быстро ты... А если Машка выйдет, что она скажет?... *(Кричит).* Не каркай! Она выйдет, выйдет, выйдет!... Договорился, значит. Да ты понимаешь, что это для Митя? Для него интернат – это же... Это копец. Это полный прилет. Он же помрет там! Эх ты... Правду Машка про тебя говорила... Правду.

А что я? Я кто здесь вообще? Я работаю, между прочим. И личная жизнь... тоже... пока еще. Может, последняя. Личная, в смысле. Ах, гипотетически? Я в твоих гипотезах, как свинья в апельсинах... Он чей сын, а? Твой или мой, я спрашиваю. Да заткни ты своих кретинок, что они все время там разоряются...

Звонит мобильник.

Подожди. Звонят *(в мобильник).* Слушай, котя, у меня накладка... Да. Нет, зайка. Сегодня я – пас. Ну, я не знаю... Ну, отмени... Столик отмени, говорю. Да хрен с ними, с деньгами, у меня тут такое... Подруга лучшая, по жизни лучш... Что? Стоп. Слышь, дарлинг, я не поняла.. что я должна сделать? Я тебе компенсацию, может, должна выплатить? Чтобы зря добро не пропадало? Ах, вот ты как! Другую компанию? Ну, что ж, хозяин-барин... ищи... Да кто на тебя позарится, чмо облезлое... Я-то без тебя... легко! А вот ты без меня попробуй! У кого массаж делать будешь? У-ро-ло-ги-ческий... Это тебе не девку найти на ночь...

Входит Митя. Вика кричит сразу в оба телефона.

Пошел ты! Лесом! Только одно, одно скажи: откуда вас, жлобья, уродов драных всюду столько понасыпано...

Бросает трубки.

Митя. Тетя Вика, это вы с папой говорили, да, с папой? С моим папой, Михаилом Павловичем?

Вика. С чего ты взял?

Митя. Вы сказали "с уродом", вы уродом моего папу зовете, Михаила Павловича...

Вика. Нет, это я... С двумя сразу... Их много на свете, уродов. Их не жнут, не сеют. Они, Митяй, сами растут.

Митя. А я не урод, да, тетя Вика? Мне сказал мужчина, что я урод. В магазине мужчина. Он перепутал, да? Он меня перепутал с уродом, почтому что их много на свете, да? Он путаник. Он был в хлебном магазине. Я пойду за хлебом завтра?

Вика. Пойдешь.

Митя. И второго числа?

Вика. И второго.

Митя. И третьего?

Пауза. Вика смотрит на Митю.

Вика (*со вздохом, как будто на что-то решившись*). И третьего. И четвертого, и пятого. Ты у меня каждый день будешь ходить за хлебом, Митяй.

Митя. Я куплю маме бублик. Она любит бублик. Я тоже люблю бублик. Он без изюма. Когда мы поедем в больницу, тетя Вика?

Вика. Завтра.

Митя. И второго?

Вика. Да.

Митя. И третьего?

Вика (*твердо*). И третьего. Третьего тоже.

Митя. А сегодня мы не поедем. Потому что... что?

Вика. Что?

Митя. Потому что новый год, да, тетя Вика?

Вика. Да. Новый. С иголки.

Митя. Он хороший, новый год, да?

Вика. Вопрос, Митька. А с чего это он такой уж хороший?

Митя. С того, что новый, да, тетя Вика?

Вика (*вздыхнув*). Ну, допустим.

Митя. А в новый год надо что?...

Вика. Ходить в баню?

Митя (*волнуясь*). Нет, не в баню. Не надо ходить в баню! Я не хочу в баню, тетя Вика!

Вика. Предложение снимается. Значит, в баню мы не идем. А что делаем?

Митя. Наряжаем елку. Я буду наряжать елку. Да? Я повешу большой шар... Вот возьму и повешу большой шар. Сам повешу. Синий. Синий шар.

Идут к коробкам, садятся на пол.

Я буду наряжать елку. А вы, тетя Вика, не будете наряжать елку? Ведь правда, не будете?

Вика. Почему это? Буду.

Митя (*волнуясь*). Не будете. Вы не будете наряжать!

Подпрыгивает, трясет руками.

Вика. Утихни. Не буду. Любопытно, а какого это черта лысого я не буду...

Митя. Восемь часов. Потому что уже восемь часов.

Вика. И что?

Митя. В восемь часов прибегают буквы! Надо отвечать! Им надо отвечать! Мама говорит: буквам надо отвечать, потому что за ними прячется человек! Человек прячется! Надо отвечать!

Вика. Но мама в больнице.

Митя затыкает уши, жужжит, прыгает.

Ну, ладно, ладно. Не психуй. Отвечу я твоим буквам...

Вика выходит на авансцену. Читает (должно быть понятно, что это диалог двух людей):

Я, правда, приеду.

На экране возникает смайлик и далее каждая реплика сопровождается смайликами.

Хотя мне как-то...

Тревожно?...

Да, наверно...

Мне тоже...

И мне...

И мне... Но хорошо, да?..

Хорошо.

Только я много тебе врала. Ну, не то что врала... Умалчивала...

И я. Тоже.

Ты приедешь и все расскажешь?

Да.

И я...

Вика (*говорит неуверенно*). Илья, это Вика, Машина подруга... Машу сегодня забрали... Нет, не так... Маша, она в больнице. У нее... У нее... плохое, Илья. Она не сможет встретиться с вами...

Делает жест рукой, будто что-то зачеркивает.

У нее... у нее язва. Она не сможет...

Зачеркивает.

Илья, Маша должна была срочно уехать... Ну уж нет! Черт! Что же делать-то? Еще и новый год этот проклятый...

Всхлипывает, вытирает лицо рукой. Зло трясет головой. Возвращается на сцену.

Митя. Тетя Вика! А я наряжаю елку. Потому что новый год. Завтра придет папа. И Танечка.

Вика (*садится на пол рядом*). Мить...

Митя. Надо, чтобы красиво.

Вика. Зачем, Митька? Ну, зачем?

Митя. Чтобы все радовались. От красоты. Можно, я повешу большой шар? Золотой. Тетя Вика, можно я повешу золотой шар? Чтобы все радовались.

Вика выходит на авансцену, говорит неуверенно.

Илья, привет. Это я, Маша. У меня все в порядке. С новым годом тебя! До скорой встречи!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

У Ильи. Марта и Лиза сидят на разных концах дивана. Прислушиваются. Лиза встает, подходит к двери, нагибается, прикладывает к ней ухо.

Марта. Что?

Лиза. Ходит. Бормочет.

Марта. А еще?

Лиза. Ни черта не слышно.

Тихо стучит в дверь.

Пап! Папа, открой, ну, па...

Марта. Он не будет открыть.

Лиза. Почему?

Марта. Он пить. Он не открывает – когда пийт.

Лиза. И долго он будет это... *(машинально повторяя, не поддразнивая)*... пийт?

Марта. Когда ему есть плёхо – он долго пийт. Когда не очень – он не очень долго.

Но все равно много. Сейчас ему есть очень плёхо.

Лиза. Не есть.

Марта. Что?

Лиза. Не "есть очень плохо". Просто "очень плохо".

Марта *(кивает)*. Хорошо.

Лиза. Да уж! Лучше некуда. *(Стучит в дверь громче)*. Папа!

Звон разбивающегося стекла. Марта и Лиза переглядываются.

Марта. Он говорить: "Алиона"?

Лиза. Не слышно.

Марта. Он говорит "Алиона", когда много выпить. Звайт "Алиона". И шепчет... шепочет...

Марта молчит. Лиза ходит по комнате.

Лиза. И часто это... вот так?

Марта. Било часто. Весь день, весь час, весь три лет.

Лиза. И ты молчала.

Марта. Как это бить возможным – говорить с тобой, Элиза?

Лиза. Вот дерьмо.

Марта. Дерьмо.

Лиза прижимается ухом к двери.

Что-то слушают?

Лиза. Ничего. Попробуй сама. Ты лучше умеешь. У тебя ухо натренированное.

Марта. Он скоро будет спать.

Лиза. Откуда ты знаешь?

Марта. Три года – большой час. Он бил дома. Во университет и дома. Никуда не ходить. Я выучить дер орднунг. Порядок. Я привыкнуть. Пока не изменилось...

Лиза. Что изменилось?

Марта. Дер орднунг. Zwei Monate. Двое месяцев он не бил пить.

Лиза. Почему?

Свист скайпа.

Марта. Поэтому.

Кивает на компьютер. Лиза подходит к нему, смотрит на экран.

Лиза (*читает*). У меня все в порядке. С новым годом тебя! До скорой встречи!
(*Марте*). Это кто еще?

Марта. Это Машь.

Лиза (*читает*).

Я, правда, приеду.

Хотя мне как-то...

Тревожно?...

Да, наверно...

Мне тоже...

И мне...

И мне... Но хорошо, да?..

Хорошо.

Только я много тебе врала. Ну, не то что врала... Умалчивала...

И я. Тоже.

Ты приедешь и все расскажешь?

Да.

И я...

Что... что это за детский сад?

Марта. Это не есть детский сад. Это есть девятый класс. Третий четверть... Он туда будет поехать.

Лиза. Куда? В третью четверть?

Марта. На уродину.

Лиза. На какую... уродину?

Марта. Фатерлянд.

Лиза. Он же туда никогда... Он же говорил: "Ноги моей там..."

Марта. Там симпозиум. И Машь.

Лиза читает, "перелистывает" воображаемые странички. Марта подходит к двери, припадает ухом к замочной скважине. Потом Лиза отрывается, подходит к Марте, стоит, смотрит растерянно.

Лиза (*жалобно*). Я ничего не понимаю.

Марта. Я тоже, Элиза.

Лиза. Если бы... если бы это был... ну ты знаешь... секс по интернету...

Марта. Знаю.

Лиза. ... я бы поняла. Презирала бы. Но поняла. Или если б флирт. Хвост павлиний, его, знаешь, надо иногда распушить... Для тонуса. Я бы тоже презирала... и тоже бы поняла.

Марта. Да.

Лиза. А тут... Без тела. Без поступков. Низачем. Просто слова.

Марта. Буковки.

Лиза. Буковки... Знаешь, мама говорила: "Дела – это ерунда. Дела – это всякий сможет. А вот слова!" Я злилась тогда на нее. Я часто на нее злилась.

Марта. Я помню.

Лиза. А может, умер бы он, я точно так же на нее бы кидалась. Как на него сейчас. Просто потому, что это он бы умер...

Марта. Вина перед мертвым. Это есть нормально.

Лиза. Не "есть". Просто "это нормально".

Марта. Просто это нормально.

Лиза. Как ты думаешь, а он знает, что... я его не нена... не ненавижу?

Марта. Натюрлих...

Лиза. Не врешь?

Марта. Не врешь. Бог видит, я не врешь.

Лиза. Ну да, Бог, Бог. Вам, протестантам, легче.

Марта. Я атеист. Но Бог все равно видит. Ему же не есть важно, что я в него не верить.

Лиза подходит к двери, колотит в нее.

Лиза. Па, открой! Ну, пожалуйста!

Марта (*в пространство*). Ничего. Он поспит. Он будет проснуться – ты будешь ему все сказать. И все станет хорошо. Он поедет на урдину, и все станет хорошо... Там будет Машь, и все станет хорошо. Всем все станет хорошо.

Лиза. А тебе?

Марта. Мне тоже.

Лиза. И сейчас не врешь?

Марта. Их хабе фройнд. Дубовый немецкий фройнд. Их хабе Марфа. Мне есть хорошо.

Звонит телефон.

Лиза. Да. Он сейчас не может... Он занят... Он ... это... подарки запаковывает. Нет-нет, и позже тоже... Мы будем заняты... да, праздновать... да, в ресторане. Да, там шумно. Что-то срочное? Может, что-то передать? Кто? А, Йос. Да, Йос...

Марта отрывается от скважины, оборачивается, слушает Лизу.

Что?! Как это – не поедет? Он же собирался! Что значит – не приняли? А чьи, интересно, приняли? Ах, ваши! И кто принимал? Редколлегия? То есть, главный редактор? А главный редактор в вашей лавке кто? Ну, да. Все понятно. Так я и думала... Сам себя не протолкнешь... но он же друг ваш, друг! Ладно. Понятно. Знаете, как это у нас называется? Заклятый друг... Что? Да, идиома. Вот именно... Можете спокойно включать в свой доклад. Еще что-то? Нет, перезванивать не надо. Не трудитесь. *(Почти кричит)*. Я сказала: не трудитесь ему звонить. Вообще!

Лиза бросает трубку на диван.

Марта. Он сам хочет ехать? Йос?

Лиза. Говорит, тезисы отца не приняли. А его вот – приняли. "Современные русские идиомы глазами немца".

Марта. Зволёчь. *(Кричит)*. Зволёчь! Зволёчь! А он спать и не знать... Он потом узнать... бедный, бедный...

Свист скайпа. Обе кидаются к компьютеру.

Лиза. Марта *(хором)*. Я буду ждать тебя.

Переглядываются.

Лиза *(растерянно)*. Что?

Марта. Это она. Машь.

Лиза. Что же делать?

Марта. Писать. Пиши, Элиза.

Лиза. Я?

Марта. Я хотел. Но я не могу. Я есть неспособная к языкам.

Лиза. А что писать-то?

Марта (*горячо*). Я тоже ждать. Я тоже ждать встречи с тобой. Ты – Мария, гибнущим подмога... И смайл, Элиза. Битте, смайл!

Лиза садится, берет компьютер на колени, начинает печатать. По экрану идут смайлики, заполняют весь экран. Звучит Вивальди. На авансцене Митя.

Митя. У меня день рождения 20 июня. Это будет понедельник. А у мамы день рождения пятнадцатого сентября. Это четверг. А в 2020 году это будет... это будет пятница. А в 2034 – среда. А в 2066 – опять пятница. А в 3001...

Занавес

Ноябрь 2010 – январь 2011 г.